

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 • 2023

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);

Т. Б. Рамзанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Е. С. Котлярова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 4,5. Усл. п. л. 4,8 Тираж 150 экз. Заказ 582 Дата выхода в свет 22.12.2023
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2023
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2023

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2 • 2023

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2023
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2023

СОДЕРЖАНИЕ

7	ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	
	<i>Гамбарян А. С.</i> Развитие права советскими судьями вопреки закону (contra legem)	7
27	ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
	<i>Россинский С. Б.</i> О некоторых проблемах, возникающих в практике допроса обвиняемого	27
	<i>Попова И. П.</i> Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: новые вызовы	33
	<i>Малахова Л. И.</i> Меры безопасности в отношении потерпевших и свидетелей: основания и порядок применения.....	39
	<i>Перетоккина В. В.</i> К вопросу об особенностях участия уголовно преследуемого лица, страдающего психическим расстройством, в производстве следственных действий.....	43
	К 105-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	
48	УНИВЕРСИТЕТА	
	<i>Шабанов П. Н.</i> О выпускниках юридического факультета Воронежского государственного университета – судьях Верховного Суда Российской Федерации	48
55	ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	<i>Зотов Д.</i> Преступление и наказание	55

CONTENTS

7PROBLEMS OF THE JUDICIARY

Ghambaryan A. S. Development of law by Soviet judges contrary to the legal acts (contra legem)..... 7

27ISSUES OF THE CRIMINAL PROCESS

Rossinskiy S. B. About some problems arising in the practice of interrogation of the accused 27

Popova I. P. Moral principles in criminal proceedings: new challenges..... 33

Malakhova L. I. Security measures for victims and witnesses: grounds and procedure of application 39

Peretokina V. V. On the question of the specifics of the participation of a criminally prosecuted person suffering from a mental disorder in the production of investigative actions 43

105TH ANNIVERSARY OF THE FACULTY OF LAW

48OF VORONEZH STATE UNIVERSITY

Shabanov P. N. About graduates of the Law Faculty of Voronezh State University – judges of the Supreme Court of the Russian Federation 48

55 ARTS AND JUSTICE

Zotov D. Crime and punishment 55

РАЗВИТИЕ ПРАВА СОВЕТСКИМИ СУДЬЯМИ ВОПРОКИ ЗАКОНУ (CONTRA LEGEM)

В статье обсуждаются доктрина развития права вопреки закону и вопросы официального разрешения на нарушение закона в советской государственно-правовой системе. Представлена разница между официальной и фактической санкцией на нарушение советских законов и доктринами развития права contra legem. Автор признает, что в советской системе не было плодородной почвы для классической доктрины развития права contra legem, однако имели место исторические факты, подтверждающие, что советский судья иногда выступал против регулирования закона, а отдельные советские ученые говорили о возможности применения права вопреки закону. Подобные случаи были исключительными для данного периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: contra legem, советское право, нарушение советского закона, развитие права, судья.

DEVELOPMENT OF LAW BY SOVIET JUDGES CONTRARY TO THE LEGAL ACTS (CONTRA LEGEM)

The article discusses the doctrine of law development against to the legal acts and the issues of official tolerance for law violations in the Soviet state legal system. The article presents the difference between official and factual sanctions for violating Soviet legal acts and the doctrines of law development contra legem.

The author acknowledges that the Soviet system did not provide fertile ground for the classical doctrine of law development contra legem. However, there are historical facts where Soviet judges, in individual cases, stood against the regulation of the law, and some Soviet scholars spoke about the possibility of applying the law against the law. Although such cases were episodic, they should not be forgotten as exceptional cases for that period.

K e y w o r d s: contra legem, Soviet law, violation of Soviet law, law development, judge.

Поступила в редакцию 19 июня 2023 г.

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Цель исследования

Цель данной статьи – показать, что советский судья (в том числе и судья Верховного Суда СССР), хотя и представлен в истории как «инструмент», выполняющий волю политической власти, однако иногда он мог противостоять конкретным регулированиям некоторых чудовищных законов, принятых во время сталинского режима.

Советская государственно-правовая система была основана на легизме и этатизме, поэтому она не могла быть солидарна с доктриной развития права судьей вне советского закона, тем более вопреки законам. Однако отдельные проявления развития права contra legem присутствовали даже в советской

правовой системе. Таких случаев в количественном плане было мало, поэтому они не могли качественно изменить характер советской правовой системы и представления о роли суда в этой системе. Советская юриспруденция негативно относилась к активности советского судьи, однако были ученые, которые обсуждали вопросы развития права судей вопреки советским законам.

Однако в некоторых ситуациях советская власть официально разрешала судьям действовать вопреки закону, например, после революции судья рабочего-крестьянского класса мог принимать решения вопреки законам царской России. Советские судьи «не однажды предпринимали попытки корректировать действующие нормы уголовного и уголовного процессуального законодательства... (по сути, противостоять этим нормам. – А. Г.) и, самое главное, заменять террористические меры законодателя более демократичными, устраняющими уголовную ответственность невиновных лиц по мотивам их социальной опасности в глазах органов государства»¹.

1.2. Советский легизм и учение о развитии права *contra legem*

В советской правовой системе, в зависимости от исторического периода, подходы к соблюдению требований закона (законности) были разными. В целом, советская законность (пожалуй, только в идеологической плоскости) считалась не средством обеспечения общественного благосостояния, а самоценностью, отклонение от буквы закона – «смертельным» грехом. Однако были периоды, когда советская власть официально (соответствующими решениями, декретами) или фактическим поведением разрешала своим органам и должностным лицам (агентам) нарушать или обходить советские законы (официальное или фактическое разрешение (санкция) на нарушение закона). При этом «рождение» советской власти началось с санкции на нарушение советского закона в целях борьбы с контрреволюционными силами (п. 2 постановления VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г.), а «траурный марш» начался с официального разрешения Президенту РСФСР принимать указы, противоречащие законам экономической сферы (п. 3 постановления № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» от 1 ноября 1991 г. V съезда народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики).

Советская государственно-правовая система в целом считала недопустимыми не только действия судьи против советских законов, но и восполнение пробела в законе. Теория советского права долгое время не могла сориентироваться даже в том, должен ли судья иметь право в случае законодательных пробелов развивать право вне закона методом аналогии (развитие права *extra legem*). Авторы первого учебника по теории советского государства и права отмечали:

«в советском социалистическом праве допускается аналогия не против закона и не вопреки закону, а только на основании закона и в пределах закона»².

¹ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред.: В. В. Ершов, В. М. Сырых, 2021. Т. 7 : Судоустройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы) / В. М. Сырых ; отв. ред. С. А. Колунтаев. М., 2021. С. 578.

² Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права : учебник. М., 1940. С. 266.

Эта мысль непонятна: если есть закон о разрешении спора, то как можно говорить о восполнении законодательного пробела на основе аналогии, а если есть законодательный пробел, то как можно говорить о недопустимости применения аналогии вопреки несуществующему закону. В теоретических источниках можно было встретить противоречивые подходы к вопросу о допустимости внесения дополнений в закон Верховным Судом СССР. Например, в одном из учебников по теории государства и права читаем:

«Руководящие разъяснения даются по поводу правильного и единообразного применения закона, *в дополнение к закону*, во исполнение его, но не во изменения его и не вместо него... Закон не вправе изменяться *или дополняться* ни Верховным судом, ни каким-либо другим органом, кроме самого Верховного Совета и его Президиума» (курсив наш. – А. Г.)³.

В первом предложении автор упоминает о дополнении закона посредством руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда, однако далее, вступая в противоречие с самим собой, отрицает предыдущую мысль и отмечает, что Пленум не может не только изменить закон, но и дополнить его.

Советская доктрина и юридическое образование даже пытались лишить судью сознания толкователя закона, отождествляя его не с толкователем, а просто с инструментом, применяющим закон. В учебниках прямо отмечалось: «...судья не толкует, а применяет закон так, как он написан, в соответствии с его текстом и смыслом»⁴. На этой психологии воспитаны многие поколения судей. Даже великий мыслитель, критикующий легизм, В. С. Нерсесянц отмечал: «Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право»⁵.

Советский судья, как правило, не мог действовать вопреки закону, в том числе и на том основании, что советская доктрина исключала возможное противоречие между законом и судьей, поэтому судье ни при каких обстоятельствах не могла быть отведена роль «творца “подлинного права”», ведущей фигуры социального развития»⁶. Если бы советская доктрина признала возможность действия судьи вопреки закону, то ей пришлось бы объяснить существование противоречия между государственными органами (законодателем и судом), сформированными рабочим классом. С этой точки зрения можно понять следующую мысль из другого учебника по теории советского государства и права:

«В праве социалистических стран полностью исключается принятие решения суда вопреки требованиям законов сугубо на том основании, что суд не согласен с законом. В условиях социалистического строя противоречие между законом и его применителями, как классовое противоречие, невозможно. Даже если закон устарел и не соответствует новым требованиям, суд не может и не

³ Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 340.

⁴ Голунский С. А., Строгович М. С. Указ. соч. С. 265.

⁵ Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34–41.

⁶ Туманов В. А. К критике концепции «судейского права» // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 112.

должен принимать решение *contra legem*. Недостатки законодательства может устранить только законодатель»⁷.

Советские процессуалисты также отмечали, что, например, Пленум в руководящих разъяснениях не может устанавливать правовые положения, которые хоть как-то отступали бы от правовых норм. Так, специалист советского гражданского судопроизводства М. М. Гурвич отмечал:

«Руководящие разъяснения недопустимы, если требуется регламент, отступающий от закона, противоречащий ему, т. е. регулирующий отношения иначе, чем в законе, нарушающий его веления (*contra legem*), – короче говоря, если требуется изменить норму права либо прекратить ее действие. – устарелость норм, несоответствие новым потребностям в нормативном регулировании их»⁸.

По мнению ученого, Пленум не может действовать вопреки закону, даже если нормы устарели или не соответствуют новым требованиям. В таких случаях Пленум должен был обратиться к Верховному Совету, чтобы тот изменил регулирование закона.

Заметим, что вышеуказанные авторы обсуждают вопрос о недопустимости действий вопреки устаревшим нормам, однако не затрагивают вопрос о возможности действий вопреки положениям закона (вопиюще несправедливого или нелогичного), противоречащего принципам справедливости или другим принципам права. При этом вопрос несоответствия положения закона принципам советского права в целом не мог обсуждаться всесторонне, поскольку противоречие между принципами советского права и положениями закона в доктрине считалось маловероятным.

Если абстрагироваться от отдельных случаев, можно отметить, что советский легизм и этатизм в целом считали недопустимым развитие советским судьей права вне закона (*extra legem*), а тем более вопреки закону (*contra legem*).

1.3. Отсутствие общих предпосылок для применения доктрины развития права *contra legem*

Недопустимость действий советских судей вне закона и вопреки закону иногда связывалась не с советским легизмом и этатизмом, а со слабым уважением к законности в русском обществе, отсутствием у судьи чувства права и недостаточно развитыми правовыми и культурными традициями в соблюдении границ права. Например, эмигрировавший в Европу после Октябрьской революции Ф. В. Тарановский отмечал:

«Русские юристы относятся к школе свободного права весьма сдержанно: безусловно, осуждают проповедь суда *contra legem* и *praeter legem* и сомневаются даже в пользу формального законодательного признания свободы судейского правотворения при пробелах в законодательстве. Сомнения эти находят себе оправдания в условиях русской действительности. Мы имеем в виду непрочность начала законности во всем нашем государственном строе и недостаточное развитие чувства права в нашем обществе. При таких условиях действительно задумаешься, можно ли нашему судье формально предоста-

⁷ Общая теория государства и права. Л., 1961. С. 431–432.

⁸ Гурвич М. М. Избранные труды. Краснодар, 2006. С. 591.

вить право в случае отсутствия закона решить дело по правилу, которое выставил бы сам судья в качестве законодателя... Тогда принцип законности, и без того у нас непрочный, был бы окончательно расшатан»⁹.

На начальном этапе становления советской власти судьи, большинство из которых не имели юридического образования¹⁰, были лишены даже интуитивного чувства принципов права.

«Судьи из трудящихся масс, имеющие, как правило, начальное, четырехклассное образование, не в состоянии заниматься правотворчеством, требующим дополнительно специальных профессиональных знаний права и навыков применения законодательной техники... революционное правосознание судей из трудящихся масс в своей действительной ипостаси намного чаще выступало источником неправа, многочисленных неправосудных решений, нежели права»¹¹.

Более того, в этот период, с одной стороны, отвергалось право царской России, с другой – не была сформирована окончательная система принципов права, присущих советскому праву. Кроме того, советская юриспруденция не проявляла особого интереса к принципам права. Таким образом, в советской правовой системе для классической доктрины развития права *contra legem*, связанной с аксиологическим пониманием принципов права, особенно на начальном этапе формирования советской власти, не было плодородной почвы. Однако с точки зрения рассматриваемого вопроса следует иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, даже в условиях ригоризма советской законности советский судья иногда правомерно (на основе справедливости или иных принципов права) противостоял тому или иному регулированию закона, выходил за рамки текстуальной формулировки закона, что, пожалуй, можно считать примером развития права *contra legem* (об этом далее).

Во-вторых, развитие советского права *contra legem* необходимо отличать от ситуации, когда пришедшая к власти новая политическая сила, исходя исключительно из политических целей, официально, правовыми актами разрешила своим агентам нарушать советские законы (об этом далее).

2. РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА *CONTRA LEGEM* ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННОЕ БЕСПРАВИЕ

2.1. Общие положения

В государственно-правовой системе советской власти были две качественно разные ситуации действий вопреки закону: одна – нарушение закона (про-

⁹ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. Берлин, 1923. С. 389.

¹⁰ В Советском Союзе при выборе кандидатов в судьи значение придавалось партийной принадлежности, а на начальном этапе формирования власти – социальному происхождению. Кандидаты в судьи и прокуроры должны были принадлежать к рабочему классу. В 1923 г. высшее образование имели лишь 10 % народных судей, из которых 8,1 % окончили юридический факультет, среднее – 17,5 %, и через десять лет ситуация не улучшилась. Высшее юридическое образование имели 12,3 % районных судей, 3,4 % народных судей. См.: Российские судьи : социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М., 2016. С. 79.

¹¹ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 6 : Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) / В. М. Сырых ; отв. ред. С. А. Колунтаев. М., 2020. С. 182.

тивоправная ситуация), другая – развитие права вопреки закону (правомерная ситуация).

Противоправной ситуацией стало официальное разрешение властей на нарушение советских законов, которое имело два проявления:

1) разрешение (санкция) на нарушение советских законов решениями и указами новой политической власти после Октябрьской революции (официальная санкция на нарушение закона);

2) устойчивая практика внесения изменений в законы указами Президиума Верховного Совета СССР вопреки ст. 49 Конституции СССР 1936 г. (фактическая санкция на нарушение Конституции).

Правомерная ситуация – развитие советского права *contra legem*, которое имело два проявления:

1) развитие советского права вопреки закону царской России после Октябрьской революции (кельзенское нормативное учение о развитии права *contra legem*);

2) действие вопреки советскому закону на основе принципа справедливости (классическая доктрина развития права *contra legem*).

2.2. Различие между официальным санкцией на нарушение советских законов и развитием советского права *contra legem*

Официальную или фактическую санкцию на нарушение советских законов следует отличать от кельзенских и классических доктрин развития права *contra legem*. С точки зрения доктрины развития права *contra legem* можно действовать вопреки закону в двух случаях:

1) в случае борьбы старого и нового правопорядка после успешных революций, когда новая власть развивает право вопреки старым законам;

2) в случае вопиющей несправедливости или нелогичности конкретного положения закона, когда судья на основе конкретных принципов права действует вопреки конкретной статье закона.

Политическая сила, захватившая власть в результате Октябрьской революции, с целью повышения эффективности борьбы со своими политическими противниками различными правовыми актами официально разрешила своим агентам нарушать советские законы.

Официальное разрешение на нарушение советского права в целях облегчения процесса нейтрализации политических противников не имело ничего общего с кельзеновской доктриной развития советского права против законов царской России в условиях борьбы старой и новой правовых систем или классической доктриной развития права *contra legem* на основе принципов права (справедливости).

Классическая доктрина развития права *contra legem* не признает (не ратифицирует) случаи обхода или явного нарушения закона по мотивам политической целесообразности, даже если нарушения закона допускаются официальными актами.

2.3. Нарушение советских законов с официального или фактического разрешения властей

2.3.1. Официальная индальгенция на нарушение советских законов

Ф. В. Тарановский отмечал, что социалисты на начальном этапе движения симпатизировали учению о «свободном праве» и охотно принимали в свою доктрину наиболее крайнее его проявление – провозглашение свободного судебного правотворения *praeter legem* и *contra legem*¹². Утверждение автора не имеет ничего общего с кельзенскими или классическими доктринами развития права *contra legem*. Скорее всего, автор имел в виду случаи, когда после Октябрьской революции новая власть правовыми актами (решениями, декретами) официально позволяла своим агентам, в том числе и судьям, нарушать или обходить не только законы царской России, но и Советской России.

Так, в п. 2 постановления VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г. указывалось:

«Впредь установить, что меры, отступающие от законов *Российской Социалистической Федеративной Советской Республики* или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» (курсив наш. – А. Г.)¹³.

Официальная санкция действовать вопреки советскому закону на этапе становления советской власти – не что иное, как официальная индальгенция нарушения советских законов.

В первом учебнике по теории советского государства и права авторы писали, что законность – это не цель, а средство достижения целей советского государства. Законность имеет пределы и не может препятствовать советскому государству в выполнении своей исторической миссии¹⁴. Однако после укрепления власти новая политическая сила провозгласила законность целью, а не средством. Итак, в этом учебнике мы читаем следующее:

«...социалистическая законность всегда остается методом деятельности социалистического государства и не может превращаться в преграду для последнего в осуществлении своих исторических задач... Революция сама создает свою законность, которая является для нее не целью, а средством достижения ее исторических целей и, следовательно, имеет определенные границы, обусловливаемые конкретной общественно-политической обстановкой»¹⁵.

Фактически законность для политической власти не была препятствием для достижения своих исторических задач. Если все это было написано в учебниках, то можно предположить, что новообразованная советская власть не видела ничего необычного в нарушении собственных законов.

Возникает вопрос: мог ли советский судья противостоять вопиюще несправедливым или нелогичным положениям закона, препятствующим судье

¹² См.: Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 389.

¹³ О революционной законности : постановление VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5405/>

¹⁴ Теоретики того периода объясняли существование этих решений обстоятельством классовой вооруженной борьбы, но в мирных условиях считали подчинение закону необходимостью. См.: Малицкий А. Советское государственное право (очерки). Киев, 1926. С. 11.

¹⁵ Голунский С. А., Строгович М. С. Указ. соч. С. 212–213.

достичь своих исторических, экзистенциальных целей – осуществлять правосудие, основанное на праве. Советская правовая система давала на этот вопрос отрицательный ответ.

Как получается, что политическая власть, исходя из узкой политической (партийной) целесообразности, даже исходя из личных интересов, могла позволить себе обойти установленные ею же законы, однако советский судья, в условиях вопиющей нелогичности или несправедливости конкретной статьи закона, не мог позволить себе противостоять этому регулированию? В основе данного вопроса, естественно, не заложена примитивная мысль о том, что «незаконность политической власти должна порождать также незаконность судов». Речь идет о другом. Если конкретное положение закона блокирует возможность суда решать свои исторические и экзистенциальные задачи, то по какой логике утверждается, что судья, в отличие от политической власти, ни в коем случае не может противостоять данному регулированию? Означает ли это, что поставленная перед судами цель (осуществление правосудия на основе права) не является недостаточно ценной или вовсе не является целью, а решение узкопартийных политических задач – ценными целями?

В п. 1 и 25 декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) «О революционных трибуналах» от 12 апреля 1919 г. было установлено:

«1. Революционные трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти. В соответствии с этим трибуналам предоставляется ничем неограниченное право в определении меры репрессии.

25. Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести»¹⁶. <...>

В. М. Сырых считает странным, что революционным трибуналам было позволено выносить приговоры без учета советского уголовного законодательства и даже революционного правосознания.

«Революционным трибуналам разрешалось выносить приговоры без учета уголовного законодательства и даже революционного правосознания. Получается, что ревтрибуналы ставились в особое положение в системе органов советского государства, им выдавалась индульгенция на нарушение советских законов во имя действенной борьбы с врагами советской власти»¹⁷.

Если политические силы, пришедшие к власти в результате Октябрьской революции, были способны устанавливать правила, то они обязаны были подчиняться этим правилам, а не санкционировать другим актом возможность их нарушения. Если же советская власть считала, что при соблюдении установ-

¹⁶ URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/349073-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-sovetov-o-revoljutsionnyh-tribunalah-polozhenie#mode/inspect/page/1/zoom/4>

¹⁷ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). С. 171.

ленных правил невозможно эффективно бороться с вооруженными внутренними врагами, то логичнее было бы изменить эти нормы.

Как уже отмечалось, официальная индульгенция нарушения советского закона не имеет ничего общего с доктриной развития права *contra legem*.

Во-первых, *классическая* доктрина развития права *contra legem* не предполагает *всеобщего санкционирования* действий против всех законов, она оправдывает только действия против *конкретной* законодательной нормы на основе принципа права. Между тем согласно п. 2 постановления «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г. советская власть выдала своим агентам *всеобщее* разрешение действовать вопреки советскому закону.

Во-вторых, вновь отметим, что классическая доктрина развития права *contra legem* никоим образом не оправдывает всеобщее разрешение или попустительство действовать вопреки законам, установленным той же властью, с целью укрепления или сохранения политической власти. В то же время официальное разрешение советской власти своим агентам на нарушение советских законов было обусловлено не стремлением соблюдать принципы права, а мотивацией обезвредить политических противников и облегчить процесс укрепления собственной власти.

В-третьих, п. 2 постановления «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г. не касался кельзенского учения о развитии нового права вопреки старым законам в результате борьбы старых и новых правопорядков во время успешных революций. Если бы, например, в этом пункте было указано о действии вопреки законам царской России, то его, с точки зрения нормативного учения г. Кельзена, можно было бы считать развитием права *contra legem*. Между тем этим постановлением официально было разрешено нарушать законы не царской России, а самой Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2.3.2. Изменения, противоречащие Конституции СССР 1936 г.

Вопрос о *ultra vires* внесении изменений в законы указами Президиума Верховного Совета СССР (далее – Президиум) следует отличать от вопроса о противоречии отдельного указа Президиума Конституции СССР. В любой правовой системе встречаются случаи принятия противоречащих Конституции законов, подзаконных актов. Однако в этой работе обсуждается не вопрос противоречия конкретного указа Президиума Конституции, а ситуация, когда Президиум (на который в значительной степени были возложены функции и полномочия, присущие главе государства) вопреки ст. 49 Конституции СССР 1936 г. (в этой статье были перечислены исчерпывающие полномочия Президиума) длительное время фактически осуществлял полномочия, возложенные на Верховный Совет (законодательный орган) СССР. Президиум своими указами вносил изменения в законы, принятые Верховным Советом, иными словами, присвоил законодательную функцию, возложенную на Верховный Совет.

В доктринальных источниках того периода в связи с особенностями политического режима поведение Президиума по внесению изменений в законы в целом представлялось как правомерное. Советские ученые в своих работах создали имитацию правомерности поведения Президиума, что может ввести

современного читателя в заблуждение. Поэтому, прежде чем обратиться к вопросу о несовместимости фактического поведения по внесению изменений в законы указами Президиума и доктрины развития права *contra constitutionem*, необходимо обосновать, что поведение Президиума по внесению изменений в законы не имело конституционных оснований.

Доктрина советского государственного права до 1950-х гг. не только не квалифицировала такое поведение Президиума как противоречащее Конституции, но описывала его так, будто Президиум, внося изменения в законы своими указами, действует на основании Конституции¹⁸. Отдельные авторы прямо указывали, что цель предусмотрения указа в системе источников права состоит в том, чтобы при необходимости он развивал, изменял и дополнял закон¹⁹, а в первом учебнике советского государственного права отмечалось, что указом обеспечивалось применение закона в изменяющихся условиях жизни²⁰. Авторы переизданной в 1987 г. работы по истории советских конституций отмечали:

«В отличие от прежнего порядка, когда законы издавались и исполнительными органами – ЦИК и их Президиумами, Конституция 1936 г. не предоставляла такого права Президиуму Верховного Совета. Президиум Верховного Совета имел право издавать указы, а не законы. Указ мог содержать новые правовые нормы, мог изменять действующий закон. Но такой указ подлежал утверждению на ближайшей сессии Верховного Совета»²¹.

С одной стороны, они указывают, что по новой (1936 г.) Конституции только Верховный Совет мог принимать законы, а Президиум не имел подобных полномочий, с другой – говорят о внесении изменений в законы указами Президиума. Казалось бы, доктрина того периода должна была подтвердить, что принятие закона и внесение изменений в закон – одно и то же явление, изменение закона должно было быть сделано только законом.

Исследователи отмечают, что указы о внесении изменений в законы подлежали утверждению на ближайшей сессии Верховного Совета. Они сформулировали эту мысль так, будто Конституция СССР 1936 г. установила специальную норму об утверждении указов, вносящих изменения в законы. Некоторые армянские специалисты даже пишут, что в конце 40-х гг. XX в. «указное» законодательство было узаконено внесением поправок в Конституцию. В результате большая часть законодательных норм была введена указами Президиума,

¹⁸ В 1956 г. была опубликована статья М. В. Цвика, в которой автор отмечал, что Конституция СССР рассматривает Верховный Совет СССР как единственный законодательный орган, и поскольку закон может быть изменен другим законом, то «любое признание, что указом может быть изменен закон, означало бы, что такого рода указ получает юридическую силу закона и тем самым, до момента его утверждения, превращается во временный закон, что противоречит Конституции СССР». См.: *Цвик М. В. О подзаконности Указов Президиума Верховного Совета СССР // Ученые записки. Харьков, 1956. Вып. 7. С. 24–25.*

¹⁹ См.: *Носов Е. И. Юридическая природа указа в советском государстве // Ученые записки Ленинградского юридического института. М., 1947. Вып. 4. С. 105.*

²⁰ См.: *Советское государственное право / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1938. С. 320.*

²¹ *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 159.*

впоследствии ратифицированными Верховным Советом СССР²². Г. Сафарян не уточнил, в какую статью Конституции было внесено такое изменение.

В действительности ни в первоначальной редакции ст. 49 Конституции СССР 1936 г.²³, ни в редакции от 25 февраля 1947 г. Президиум не был наделен полномочием вносить изменения в законы²⁴. Такое полномочие было предоставлено Президиуму только Конституцией СССР 1977 г.²⁵ При этом на VIII Чрезвычайном всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. в докладе «О проекте Конституции СССР» Сталин признал, что законодательная власть в стране должна осуществляться только одним органом – Верховным Советом СССР. «К сожалению, данное справедливое положение не стало реальной нормой, вождь партии первым дал пример грубейшего нарушения Конституции СССР, подменив законодателя»²⁶.

В тот период сформировалась устойчивая практика изменения законов указами Президиума. Например, в одном из изданных в 1980 г. учебников по государственному праву отмечалось:

«До принятия Конституции 1977 г. известно, что по разным причинам законы неоднократно отменялись указами, в них были внесены изменения и дополнения»²⁷.

Таким образом, хотя фактическое поведение Президиума по внесению изменений в законы было антиконституционным (до 1977 г.), однако это был не разовый акт, а явное и стабильное поведение, которое, пожалуй, можно назвать обычаем *contra constitutionem*, правда, его нельзя было считать развитием права *contra constitutionem*, поскольку нам не известны какие-либо данные о том, что такое поведение Президиума было продиктовано государственно-охранительными принципами²⁸. Гипотетическим примером развития права *contra constitutionem* можно считать те случаи, когда Верховный Совет, в связи с военным положением, не имел возможности созвать заседание, и Президиум указами внес изменения в законы, поскольку невнесение срочных изменений могло создать реальные угрозы для сохранения государственности.

²² См.: Сафарян Г. Вопросы законотворческой деятельности и развития законодательства в РА (историко-теоретический анализ). Ереван, 2004. С. 62 (на армянском языке).

²³ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (5 декабря 1936 г.) [первоначальная редакция] // Советские конституции : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск. 2015. С. 17.

²⁴ См.: Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Указ. соч. С. 293.

²⁵ В статье 122 Конституции, принятой в 1977 г., прямо отмечалось, что Президиум Верховного Совета СССР в период между сессиями Верховного Совета с последующим представлением на его утверждение на очередной сессии вносит в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты СССР. После этого изменения доктрина государственного права пересмотрела подзаконный характер указов и приравнивала его к закону. См.: Советское государственное право / под ред. Е. И. Козловой и В. С. Шевцова. М., 1978. С. 373.

²⁶ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 7: Судостроительство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы). С. 70.

²⁷ Советское государственное право / под ред. С. С. Кравчука. М., 1980. С. 489.

²⁸ См.: Гамбарян А. Развитие парламентом права *contra constitutionem* в Республике Армения // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149). С. 129–153.

Итак, две вышеуказанные ситуации являются неправомерными случаями действий вопреки закону, тогда как история советского права знает случаи развития права *contra legem*, во-первых, после успешной Октябрьской революции развитие советского права вопреки законам царской России, а во-вторых, действие вопреки закону на принципах справедливости (права).

2.4. Развитие советского права *contra legem*

2.4.1. Развитие советского права вопреки законам царской России

Официальную санкцию большевистской власти на нарушение *советских* законов (п. 2 постановления «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г.) не следует путать с практикой действовать вопреки законам *царской* России и формирования нового права в условиях успешных революций, правомерность которых обосновывается нормативистским учением Г. Кельзена. С точки зрения этого правопонимания его можно считать одним из проявлений доктрины развития права *contra legem*²⁹.

Г. Кельзен отмечал, что в успешных революциях принцип легитимности ограничивается принципом эффективности... с того момента, как старая Конституция утрачивает действенность, а новая ее приобретает... Законы, изданные при старой Конституции и не воспринятые новым порядком, больше не считаются действительными, а органы, уполномоченные старой Конституцией, не считаются компетентными³⁰. С точки зрения нормативистского правопонимания классическим примером развития права *contra legem* является п. 5 декрета «О суде» от 24 ноября 1917 г.:

«Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³¹.

Таким образом, позиция советской власти действовать вопреки законодательству царской России соответствует кельзенскому учению о развитии права *contra legem*. В то же время в данном случае о развитии права *contra legem* нужно упоминать с оговоркой, поскольку советский судья должен был противостоять законам царской России не непосредственно на основании кельзенской доктрины, а на основании п. 5 декрета «О суде».

*2.4.2. Развитие советского права *contra legem* на основе принципа справедливости*

Как отмечалось, в советской правовой системе для классической доктрины развития права *contra legem*, связанной с аксиологическим пониманием принципов права (справедливости), не было плодородной почвы. Однако даже в советской государственно-правовой системе, где закон и право отождествлялись, встречались ситуации, когда советский судья развивал право вопреки закону, но в соответствии с принципом справедливости.

²⁹ О развитии права вопреки старым законам после успешной революции см.: Гамбарян А. Указ Президента РФ № 1400 – правомерный акт *contra constitutionem* // Вестник Конституционного Суда Республики Армения. 2023. № 1 (109). С. 8–34.

³⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве : пер. с нем. 2-е изд. СПб., 2015. С. 260–261, 262.

³¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 125.

Случаи, когда советский судья действовал вопреки закону, на основе принципа справедливости, разделим на две группы: первая – ситуация, когда положительное право (закон) позволило судье действовать вопреки положению закона на основе принципа справедливости, а вторая – практические примеры, когда судья непосредственно на основе принципа справедливости противостоял тому или иному регулированию закона.

1. Декрет «О суде» № 2: принцип справедливости в. формальных требований закона.

В статье 36 декрета «О суде» № 2 от 15 февраля 1918 г. указывалось:

«Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном»³².

В русских источниках того времени эта норма представлялась таким образом, что суды должны были придавать важность не требованиям закона, а принципу справедливости. Некоторые авторы отметили:

«Новое право каленым железом выжигает следы бюрократического канцеляризма в процессе, возвращая суду “душу живую” – справедливость, раскованную от цепей формализма»³³.

В современной русской литературе рассматриваемое положение считают «принципом приоритета справедливости перед законом»³⁴, который «почти полностью освобождал суды от обязанности следовать букве закона»³⁵, «обязывал судью при рассмотрении гражданских и уголовных дел руководствоваться соображениями справедливости»³⁶.

В. М. Сырых также комментирует рассматриваемое положение так, будто оно давало советскому судье возможность, исходя из соображений справедливости, противостоять не только положениям закона, устанавливающего сроки обращения в суд, но и формальному регулированию любого закона. Он отмечает:

«Судьям предписывалось руководствоваться соображением справедливости и не связывать себя формальными нормами. Особо подчеркивалось право судей отвергать ссылки на пропуск давностного или иного срока и вопреки возражениям формального характера выносить явно справедливое решение»³⁷.

³² Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 473.

³³ Черный П. Система судов и судопроизводство // Воля труда. 15 октября 1918 г. № 26. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20181015/289453122.html

³⁴ Мясников А. А. Институт смягчения наказания : проблемы законодательной регламентации и правоприменения : по материалам судебной практики Ставропольского края : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

³⁵ Корчин А. А. Становление органов судебной власти советского государства и судебное правотворчество // Вестник ТГУ. 2009. № 2. С. 187.

³⁶ Принципы уголовного процесса : монография / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. М., 2022. С. 82.

³⁷ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 6 : Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). С. 291–292.

Получается, что ст. 36 декрета № 2 «О суде» давала возможность советскому судье на основе принципа справедливости противостоять положению любого закона. Между тем от буквального прочтения данной статьи складывается другое впечатление: она давала советскому судье возможность противостоять только тем положениям закона, которые устанавливали сроки обращения в суд³⁸. Например, в теоретических источниках упоминается:

«Статья 44 ГК РСФСР 1922 г. (действовавшего до 1964 г.) предусматривала, что “право на предъявление иска погашается по истечении срока, установленного в законе (исковая давность)”. Однако судебная практика встала на другой путь и выработала правило, что пропуск исковой давности не лишает истца права на предъявление иска, так как при наличии уважительных причин срок может быть восстановлен судом»³⁹.

Contra legem правило о восстановлении пропущенного срока позже было закреплено в законе.

Если взять за основу буквальное толкование ст. 36 декрета № 2 «О суде», то следует отметить, что это была позитивная правовая основа, позволяющая советскому судье развивать право вопреки регулированию сроков обращения в суд. В данном случае также о доктрине развития права contra legem нужно упоминать с оговоркой.

Во-первых, советский судья противостоял регулированию закона о сроках обращения в суд не непосредственно на основе принципа справедливости, а на основе ст. 36 декрета № 2 «О суде», т. е. применением позитивной правовой нормы.

Во-вторых, даже без изучения судебной практики того периода можно утверждать, что советский судья не был способен понять общечеловеческую ценность принципа справедливости, он мог на интуитивном уровне воспринимать только «классовую справедливость» и противопоставляться формальным требованиям закона с позиции классового восприятия принципа справедливости. Надо согласиться со следующим утверждением В. М. Сырых:

«Если учесть, что судьями избирались только трудящиеся, которые не имели глубоких знаний о действующем законодательстве и не обладали опытом работы в судах, то легко понять, насколько справедливыми и в чью пользу были эти решения. Защита нарушенных прав имущих слоев общества не имела никаких шансов на успех в таком составе суда»⁴⁰.

2. Конкретные случаи: принцип справедливости (права) в. требования закона. Классическими случаями применения доктрины развития права contra legem являются те, в которых судья, без какой-либо позитивной правовой основы, на основе принципа справедливости (права) противостоял конкретному регулированию закона. В условиях советского легизма и сталинского террора,

³⁸ Сфера применения принципа о верховенстве справедливости над формальными требованиями закона может быть уточнена эмпирическим путем, но практика применения рассматриваемого положения выходит за рамки предмета данного исследования.

³⁹ *Погосян Р. С.* Совершенствование деятельности судов союзной республики. Ереван, 1990. С. 118.

⁴⁰ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 6 : Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). С. 292.

естественно, было мало дел, когда судья, ссылаясь на принципы справедливости (права), поступал вразрез с конкретной статьей закона. Однако такие случаи были. В. М. Сырых приводит следующий. «Пленум Верховного Суда СССР пытался защитить от сталинского террора несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет, которых, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., надлежало привлекать к уголовной ответственности за кражи, насилие, причинение телесных повреждений, увечий, убийства или попытки убийства. Постановление, принятое по инициативе Сталина, не соответствовало принципам уголовного права, традиционно признававшими, что дети и подростки не способны осознавать социальную опасность своих противоправных действий, поэтому нельзя их преследовать в уголовном порядке... Предписывая судам привлекать несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет только за виновное противоправное действие, Пленум Верховного Суда СССР априори освобождал их от уголовной ответственности, поскольку в действиях подростка не может быть умысла, необходимо предполагающего способность осознания лицом общественно опасного характера его действий»⁴¹.

Подобные случаи, хоть и были эпизодическими, но прекрасно очерчивали минимальный порог профессионального достоинства судьи. Возникает вопрос: судьи Верховного Суда СССР, принимая такие решения, не осознавали, что тем самым противостоят принятому по инициативе Сталина закону, и это может вызвать гнев Сталина? Они не предвидели, что такое противостояние для них, в прямом смысле слова, смертельно опасно? Если судья чувствует минимальный порог профессионального достоинства, то это чувство не позволит ему стать соучастником вопиющей несправедливости политической власти.

Приведем еще один пример, похожий на развитие права *contra legem*. Так, ст. 210 УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. В указанной статье возраст субъекта преступления не был установлен, поэтому к нему было применено общее регулирование возраста субъекта преступления, т. е. буквальное толкование закона позволяло сделать вывод, что субъектом этого преступления могло быть лицо, достигшее 16 лет. Однако Пленум постановлением № 16 от 3 декабря 1976 г. установил, что субъектом указанного преступления может быть только совершеннолетнее лицо⁴². Пленум, по сути, не только выступил против законодательной нормы, согласно которой, если несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет вовлекают в преступную деятельность другого несовершеннолетнего, они должны привлекаться к ответственности, но и установил новое правило: субъектом данного преступления может быть только лицо, достигшее 18-летнего возраста. В решении Пленум не указал, исходя из какого

⁴¹ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. 2021. Т. 7 : Судостроительство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы). С. 581.

⁴² О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995. С. 149.

уголовно-правового принципа, возраст субъекта преступления, в отличие от установленного законом положения об общем возрасте (16 лет), был повышен до 18 лет. Российская доктрина уголовного права пыталась в какой-то мере восполнить пробел в рассуждениях Пленума и объясняла его позицию спецификой общеуголовного статуса несовершеннолетних:

«С точки зрения общего уголовно-правового статуса несовершеннолетних, конкретных охранительных задач, вызвавших к жизни указанные составы преступлений, привлечение в данном случае к ответственности несовершеннолетних представлялось достаточно сомнительным. Поэтому позиция, которую занял Верховный Суд СССР, “подняв”, вопреки текстуальному выражению ст. 210 УК РСФСР, возраст субъекта данного преступления до 18 лет, была вполне убедительной»⁴³.

Если бы Пленум, выражая указанную выше позицию, сослался бы на соответствующие принципы права или конституционные ценности, которые имплицитно лежали в основе его решения, то это решение можно было бы считать классическим примером классической доктрины развития права *contra legem*.

Специалист гражданского судопроизводства А. Т. Боннер констатирует, что в советском гражданском судопроизводстве дела иногда решались вопреки нормам закона, но на основе моральных требований. В качестве примера такого случая он приводит следующее дело.

«Не имевшая своего жилья Ш-на проживала на частной квартире. Узнав, что ее тетка П., занимавшая отдельную квартиру, находится при смерти, Ш-на срочно уволилась с работы и переехала в Краснодар. За неделю до смерти тетки Ш-на добилась временной прописки на ее жилплощади. Исковые требования РЖУ о выселении Ш-ной в конечном итоге были отклонены. При этом суд руководствовался не законом, а соображениями социальной справедливости. В частности, в решении было записано: “Ш-на находится в тяжелом положении, так как жилой площади нигде не имеет. Очередь на получение жилья в Курганинске она утратила в связи с переездом в Краснодар. На иждивении Ш-ной находятся ребенок и старуха Д., 87 лет”. Между тем в соответствии с законом суд должен был вынести решение о выселении Ш-ной как временного жильца»⁴⁴.

Советский судья по этому делу, основываясь на принципе справедливости, нашел возможность противостоять закону. Подобные ситуации армянские судьи назовут «моральным правосудием», это означает, что они отклоняются от требований закона, но соблюдают минимальные и неоспоримые требования справедливости.

О противостоянии вопиюще несправедливым советским законам говорили и отдельные ученые-юристы социалистических государств. Они обсуждали вопросы неприменения положений закона в исключительных случаях или противостояния тому или иному положению закона.

⁴³ Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве : понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 272–273.

⁴⁴ Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 95.

3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ О ДЕЙСТВИЯХ ВОПРОКИ ЗАКОНУ

3.1. Общие положения

Советские юристы, исходя из советского легистского правопонимания, отрицательно относились к вопросу об активной роли судов. В. М. Туманов, критикуя концепцию судебного активизма, отмечал:

«Сторонники данной концепции объявляют судью более совершенным “выразителем” права, чем законодатель, требуют значительного расширения его компетенции, в частности предоставления судье права решать конкретные дела “против закона” (“contra legem”)»⁴⁵.

При этом даже в условиях советского легизма в теории права встречались случаи, когда советские юристы говорили о возможности развития судьей права вопреки закону. Например, Б. Рубинштейн отмечал, что в Швейцарии судья решает не только *praeter legem*, но и *contra legem*, однако швейцарское законодательство не вызывало особых опасений в указанном смысле. Хотя это право судьи и не указано в законе прямо, именно такое толкование закона принято судебной практикой⁴⁶. В 1920-х гг. А. Г. Гойхбарг в контексте ст. 4 ГПК РСФСР утверждал, что судья может противостоять регулированию закона и не применять установленное законом правило, если это обусловлено общей политикой рабоче-крестьянской власти.

3.2. Дебаты А. Г. Гойхбарга и С. Ф. Кечежяна по поводу статьи 4 ГПК РСФСР

В статье 4 ГПК РСФСР 1923 г. было установлено:

«За недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо дела суд решает его, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства».

Разрешала ли эта статья советскому судье при наличии соответствующей материально-правовой нормы противостоять этой норме, если она не соответствовала общим принципам советского законодательства или политике рабоче-крестьянского правительства. Казалось бы, в советской доктрине подобного вопроса не должно было возникать, поскольку в тексте ст. 4 ГПК РСФСР четко было написано: «За недостатком узаконений», т. е. понятно, что речь шла о применении аналогии права на основе принципов законодательства в случае отсутствия закона (руководствование политикой правительства не имеет никакого отношения к аналогии права). Тем не менее в советской доктрине обсуждался вопрос о том, разрешает ли ст. 4 ГПК РСФСР противостоять регулированию закона. По этому вопросу спорили А. Г. Гойхбарг и С. Ф. Кечежян.

Свою позицию относительно ст. 4 ГПК РСФСР А. Г. Гойхбарг высказывал в различных работах. В учебнике гражданского процесса (1928 г.) он отмечал:

«Это право решать дело на основании общих начал советского законодательства и общей политики рабоче-крестьянского правительства предоставляется таким образом суду не только в тех случаях, когда нет узаконений и распоряжений, касающихся данного правового вопроса, но и тогда, когда имеются

⁴⁵ Туманов В. А. К критике концепции «судейского права» // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 111–112.

⁴⁶ См.: Рубинштейн Б. Принцип социально-экономического назначения прав в гражданском кодексе РСФСР // Советское право. 1926. № 4 (22) 1926. С. 80.

законы, относящиеся к данному вопросу, но суд найдет, что они неприменимы к данному конкретному делу»⁴⁷.

Автор не раскрывал, по какой причине судья должен решить, что эти нормы не применимы по данному делу. Ранее (в 1923 г.) он писал:

«Если конкретные особенности отдельного дела таковы, что с точки зрения общей политики рабоче-крестьянской власти не следовало бы к данному делу применять существующую общую норму, то суд не только вправе эту норму не применять, но и обязан ее не применить, а руководствоваться в своем решении нормой, выведенной из общих начал советского законодательства или из общей политики рабоче-крестьянского правительства»⁴⁸.

Блокирование применения норм автор обуславливал общей политикой рабоче-крестьянской власти. Возникает естественный вопрос: почему, с точки зрения политики Советского правительства, применение нормы, заложенной в советских законах, должно считаться недопустимым, могли ли положения советского закона вступить в противоречие с общей политикой рабоче-крестьянского правительства?

С. Ф. Кечекьян считал неприемлемым подход А. Г. Гойхбарга и полагал, что ст. 4 ГПК РСФСР «ни в коем случае не предоставляет судье право судить о пригодности и непригодности закона, коим разрешается данное дело»⁴⁹. Он отмечал:

«Едва ли можно признавать правильным мнение А. Г. Гойхбарга, будто ст. 4 ГПК дает суду право решать дела вопреки существующим узаконениям – *contra legem*, т. е. будто судья вправе отказать в применении нормы, регулирующей данного рода дела в случае, если найдет, что эта норма не применима к данному делу ввиду конкретных особенностей этого дела ст. 4 ГПК РСФСР говорит о “недостатке узаконений”. Следует признать, что статья эта имеет в виду случаи пробелов в законе»⁵⁰.

Таким образом, ст. 4 ГПК РСФСР не предусматривала позитивной правовой основы для развития судьей права *contra legem*, речь шла, скорее, об аналогии права на основе общих принципов законодательства в условиях законодательного пробела⁵¹. Однако в отношении интересующего нас вопроса важно констатировать, что А. Г. Гойхбарг, хотя и не столь четко, но по существу высказал позицию о возможности противостояния положениям закона и неприменения его на основе принципов законодательства.

Венгерские юристы, труды которых были переведены на русский язык, также упомянули о развитии социалистического права вопреки закону.

⁴⁷ Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. М. ; Л., 1928. С. 130.

⁴⁸ Гойхбарг А. Г. Применение гражданских законов судом (Заметки) // Советское право. 1923. № 3. С. 11.

⁴⁹ Кечекьян С. Ф. О толковании законов судом // Право и Жизнь. 1928. Книга 1. С. 14.

⁵⁰ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 13, 14.

⁵¹ Авторы первого учебника по теории советского государства и права без каких-либо обоснований просто отметили, что ст. 4 ГПК РСФСР не об аналогии права, а об аналогии закона. См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права : учебник. М., 1940. С. 266–267.

3.3. Теория венгерского права о действиях вопреки закону

3.3.1. *Андраш Тамаш о развитии социалистического права вопреки закону*

Венгерская Народная Республика в 1949–1989 гг. считалась социалистическим государством, однако А. Тамаш в 1980 г. в переведенной на русский язык работе мимолетно затронул вопрос развития права вопреки закону. Об этом он заявил, сославшись на работу американского юриста Б. Н. Кардозо, которая в то время не была переведена на русский язык⁵².

«Право должно распоряжаться принципом развития, всегда быть готовым к завтрашнему дню (Кардозо Б. Н.). Раскрывать мысль излишне, поскольку Кардозо считает, что в судебной практике это развитие гарантировано, пусть даже вопреки юридической норме... Свойство главным образом социалистического права состоит в том, что оно не стремится консервировать общественные отношения, а дает регулирование, с одной стороны, фиксирующее результат, с другой стороны, обеспечивающее прогресс и указывающее путь вперед»⁵³.

А. Тамаш рассматривал развитие права вопреки закону не по логике принципов права, а с точки зрения развития общественной жизни и гармонии закона. Если закон отстает от жизни, то право должно развиваться даже вопреки закону. Это диалектический подход.

3.3.2. *Наука административного права Венгрии о действиях вопреки закону на основе справедливости*

Авторы венгерского учебника по административному праву, переведенного на русский язык в 1990 г., выразили противоречивые подходы к вопросу о действиях органов государственного управления вопреки закону. Они критиковали буржуазную доктрину свободного усмотрения или дискреционной власти, одним из проявлений которой была «также ситуация, когда государственный управленческий орган может действовать *contra legem*, то есть его действие может расходиться с правовыми нормами»⁵⁴. Они, хотя и критиковали буржуазную доктрину свободного усмотрения, но далее, по сути, говорили о возможности действовать вопреки социалистическому закону на основе принципа справедливости:

«Правотворчество должно учитывать тот факт, что буквальное применение положений правовых норм в отдельных, исключительных случаях не может служить предназначению этих норм, то есть индивидуальные акты могут войти в противоречие с действительными общественными целеустановками правовых норм, с общественной справедливостью. В связи с этим законодатель предоставляет правоприменителю право, используя так называемый принцип справедливости, не принимать во внимание условия, определяемые законоположением, и предоставлять права или сужать обязанности, то есть не обращать внимания на то, что в соответствии с общими требованиями законоположений эти права не могут быть предоставлены, а от обязанностей нельзя

⁵² Работа Б. Кардозо была опубликована в 1921 г. и переведена на русский язык в 2017 г. См.: Кардозо Б. Н. Природа судебной деятельности : пер. с англ. М., 2017.

⁵³ Тамаш Андраш. Судья и общество : диалектика правосознания и правоприменения : пер. с венг. М., 1980. С. 63.

⁵⁴ Берени Ш., Самел Л., Барацка Р., Иванчич И. Венгерское административное право : пер. с венг. М., 1990. С. 295.

освободиться... Правотворчество очень часто связывает эти полномочия с процессуальными и организационными гарантиями. Например, отступления от предписаний Государственного строительного устава могут допускаться только с разрешения министра строительства и развития городов или же по отдельным делам предложения об осуществлении принципа справедливости может делать только орган управления более высокого ранга»⁵⁵.

Из этой цитаты ясно, что специалисты по социалистическому административному праву, по сути, признали, что органы государственного управления могут противостоять регулированию закона на основе принципа справедливости. В этом случае, хотя и говорится о противопоставлении закону на основе принципа справедливости, его нельзя рассматривать как пример развития права *contra legem*, поскольку доктрина развития права *contra legem*, как правило, не признает возможности органов государственного управления действовать вопреки закону даже на основе принципа справедливости⁵⁶.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В государственно-правовой системе советской власти были две качественно разные ситуации действий вопреки закону: одна – нарушение закона (противоправная ситуация), другая – развитие права вопреки закону (правомерная ситуация). Развитие советского права *contra legem* имело два проявления:

1) развитие советского права вопреки закону царской России после Октябрьской революции (кельзенское нормативное учение о развитии права *contra legem*);

2) действие вопреки советскому закону на основе принципа справедливости (классическая доктрина развития права *contra legem*).

Российско-Армянский университет
Гамбарян А. С., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права и конституционного права,
заслуженный юрист Республики Армения

Russian-Armenian University
Ghambaryan A. S., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chairman of the Department of Theory of Law and Constitutional Law,
Honored Lawyer of the Republic of Armenia
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

⁵⁵ Берени Ш., Самел Л., Барацка Р., Иванчич И. Указ. соч. С. 302–303.

⁵⁶ См.: Гамбарян А. С. Коллизии права и закона в философии права // Научный Арцах. 2021. № 1 (8). С. 64–85 (на армянском языке).

УДК 343

С. Б. Россинский

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРАКТИКЕ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

Рассматриваются некоторые проблемы и трудности, возникающие в практике допроса обвиняемого. Обращается внимание на непригодность существующих прикладных технологий разъяснения обвиняемым порядка производства допроса и соответствующих прав. Поднимается проблема, связанная с требованием обеспечения возможности осуществления обвиняемым своих прав. В связи с этим автор полагает, что многие возникающие в данном сегменте правоприменительной практики проблемы могут быть разрешены лишь посредством должного методического обеспечения следственной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: допрос обвиняемого, обвиняемый, показания обвиняемого, права обвиняемого, разъяснение прав.

ABOUT SOME PROBLEMS ARISING IN THE PRACTICE OF INTERROGATION OF THE ACCUSED

The article discusses some of the problems and difficulties that arise in the practice of interrogating the accused. Attention is drawn to the unsuitability of existing applied technologies for explaining to the accused the procedure for interrogation and the corresponding rights. The problem is raised related to the requirement to ensure the possibility of the defendants exercising their rights. In this regard, the author believes that many of the problems that arise in this segment of law enforcement practice can only be resolved through proper methodological support of investigative activities.

K e y w o r d s: interrogation of the accused, the accused, the testimony of the accused, the rights of the accused, clarification of rights.

Поступила в редакцию 19 июня 2023 г.

Допрос обвиняемого – один из самых известных и достаточно распространенных в следственной практике процессуально-познавательных способов собирания доказательств. В силу понятных причин он требуется по большинству находящихся в производстве органов предварительного следствия уголовных дел, по крайней мере предрасположенных к направлению в суд для рассмотрения по существу. А его содержание, в первую очередь, сводится к получению показаний, predetermined вынесенной в отношении обвиняемого и подлежащей к рассмотрению и разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензии (обвинения).

С одной стороны, допрос обвиняемого является типичным следственным действием, т. е. находящимся в ведении следователя уголовно-процессуальным приемом когнитивной направленности, производимым в целях установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и позволяющим сформировать пригодное для дальнейшего использования, в том числе для

оглашения в предстоящем судебном заседании, доказательство – показания обвиняемого. Однако, с другой стороны, он выполняет еще одну, сугубо правообеспечительную, а точнее правозащитную роль – является способом защиты от уголовного преследования, позволяет лицу не согласиться с выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензией, изложить свое видение произошедшего, т. е. способствует обеспечению полноты, всесторонности и объективности как предварительного расследования, так и дальнейшего судебного разбирательства. Кстати, именно такое правозащитное предназначение и подталкивает законодателя к известному предписанию, обязывающему независимо от намерения обвиняемого давать показания проводить его первый допрос (хотя бы формально заполнять бланк соответствующего протокола) непосредственно после предъявления обвинения и краткой консультации с защитником, а также к запрету производить без его (обвиняемого) просьбы повторные допросы по тому же обвинению в случае отказа от дачи показаний на первом допросе (ч. 1, 4 ст. 173 УПК РФ). Тем более что у следователя, решившегося на выдвижение уголовно-правовой претензии, т. е. уверенного в изобличенности человека в совершении преступления, в доказанности всех требуемых для досудебного привлечения к уголовной ответственности обстоятельств, не должно быть потребности в получении каких-либо новых сведений – подобная потребность может появиться лишь в результате самого допроса обвиняемого. В противном случае вытекающую из смысла ч. 1 ст. 171 УПК РФ убежденность в достаточности собранных по уголовному делу доказательств следует считать мнимой, а само обвинение – «натянутым» или преждевременным.

В этой связи ученые-процессуалисты, проявлявшие интерес к указанной проблематике, традиционно писали о двойственной процессуальной миссии допроса обвиняемого, об изначальной направленности формируемых в результате его проведения показаний на удовлетворение процессуальных потребностей как стороны обвинения, так и стороны защиты¹. А нескорые авторы вариативно наделяли показания обвиняемого еще одной ролью – считали, что они способствуют определению объема и содержания имеющих значение для уголовного дела обстоятельств².

Для допроса обвиняемого предусмотрен несколько специфический порядок, основанный на установленных ст. 164 и 189 УПК РФ базовых правилах получения показаний, но вместе с тем предполагающий ряд дополнительных требований и юридических гарантий. В частности, обвиняемый не предупреждается об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний – ввиду общих подходов к правовому положению подвергаемых уголовному преследованию лиц соответствующие нормы уголовного закона на них просто не распространяются. Кроме того, в начале допроса следователю предписывается задать обвиняемому ряд обязательных вопросов:

¹ См.: *Мотовиловкер Я. О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 6 ; *Каминская В. И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. М., 1960. С. 3–4 ; *Карнеева Л. М.* Привлечение в качестве обвиняемого. М., С. 75–76.

² См.: *Якуб М. Л.* Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 14.

а) о признании своей вины в инкриминируемом преступлении; б) намерении дать показания по существу выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии; в) желании изъясняться на русском или каком-либо ином языке (ч. 2 ст. 173 УПК РФ).

Вместе с тем далеко не все установленные законом в отношении допроса обвиняемого процедурные требования предрасположены к должному пониманию практическими работниками и, следовательно, к надлежащему выполнению в соответствии с заложенным в них смыслом и т. д. Подобные законодательные шероховатости и недосказанности приводят к существенной правовой неопределенности в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, вызывают постоянные затруднения в повседневной правоприменительной деятельности, способствуют обременению работы следователей целым рядом бессмысленных формальностей и одновременно снижению общего уровня юридической защищенности обвиняемых. Таким образом, в настоящее время ощущается объективная потребность в более детальном исследовании отдельных процедурных правил производства допроса обвиняемого – в целях выработки понятных и приемлемых для практического использования прикладных рекомендаций по проведению такого следственного действия.

Самое главное из предрасположенных к затруднительному толкованию требований закона выражается в адресованном следователю предписании о разъяснении обвиняемому порядка производства предстоящего допроса и связанных с ним прав. Ведь, с одной стороны, исходя из общих положений ч. 5 ст. 164 УПК РФ, обусловленных неписаной презумпцией юридической безграмотности непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, ведущему предварительное расследование должностному лицу надлежит заниматься подобным правовым «просветительством», приступая к каждому следственному действию, в том числе и к допросу обвиняемого. Однако, с другой стороны, такой допрос проводится практически сразу после завершения процедуры предъявления обвинения, тоже предполагающей обязанность доведения до сведения обвиняемого предусмотренных ч. 3 ст. 47 УПК РФ процессуальных прав. Для практических работников уже вошла в обыденность, стала восприниматься как само собой разумеющаяся известная прикладная технология, выраженная в первичном разъяснении предусмотренных ст. 47 УПК РФ прав после предъявления обвинения и их формальном полном объеме переразъяснении через некоторое время – в ходе допроса обвиняемого. Таким образом, позиционируется неукоснительное исполнение следователями требований закона, чем снижаются риски вероятных претензий к качеству предварительного следствия. Кроме того, этим же демонстрируется стремление к максимальному обеспечению прав обвиняемого – по принципу «кашу маслом не испортишь».

Однако в реальности подобные «благие намерения» приводят к совершенно иным, по всей вероятности, прямо противоположным результатам. Из-за явной перегруженности интегрированного в единый процессуальный кожух общего механизма досудебного привлечения человека к уголовной ответственности различными разъяснительными приемами подлежащие уясне-

нию адресатами сведения об осуществляемых в отношении них процедурах и предоставленных им для участия в этих процедурах правовых возможностях просто теряются в «безбрежном океане» доводимой информации. Ведь вполне очевидно, что не имеющие надлежащей, а зачастую и никакой, правовой культуры, не понимающие значения сложных, подчас достаточно замысловатых правовых терминов обвиняемые просто не способны должным образом воспринимать весь массив буквально «вываливаемых» на них юридических сведений, предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ, включая сведения о «первоинстанционных», «апелляционных», «кассационных», «надзорных» и многих других правах, тем более сходу выявить, какие из них могут оказаться востребованными в ходе проведения допроса.

К тому же ввиду весьма витиеватой системы уголовно-процессуального законодательства, изначально основанной на сложных и запутанных юридическо-технических конструкциях, предполагающей множество отсылочных и других не предрасположенных к моментальному усвоению положений, для эффективного использования своих прав обвиняемым необходимо свободно ориентироваться в нескольких десятках, рассредоточенных по различным частям, разделам, главам и статьям Уголовно-процессуального кодекса, в частности в нормах-принципах, правилах заявления ходатайств и жалоб, общих условиях предварительного следствия, общих правилах проведения следственных действий и т. д., а также в оказывающих заметное влияние на правоприменительную практику разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, актах Конституционного Суда РФ и устоявшихся прикладных технологиях работы следственных органов. Другими словами, для надлежащего освещения обвиняемому порядка проведения его допроса и соответствующих прав следователю на какое-то время необходимо становиться преподавателем уголовного процесса (в идеале еще и общей теории права) и буквально за 15–20 минут превращать своего визави в подготовленного и достаточно хорошо натренированного правопользователя, понимающего смысл проводимых с ним процессуальных манипуляций и предоставленных ему юридических возможностей, что в силу понятных причин совершенно невыполнимо.

Более того, к великому сожалению, сами следователи тоже далеко не всегда должным образом понимают смысл подлежащего доведению до обвиняемых законодательного «контента». По крайней мере, к таким выводам привел анализ имеющихся в распоряжении автора настоящей статьи эмпирических данных, в первую очередь результатов устных опросов следователей Следственного комитета РФ и органов внутренних дел. Так, многие из них (более 73 % опрошенных) ответили, что из-за нечеткости существующих нормативных предписаний они стараются вообще не задумываться о разъясняемых обвиняемым положениях закона, а действовать по устоявшемуся шаблону. Некоторые другие (около 15 % опрошенных) сообщили, что осознают избыточность разъяснения одних и тех же прав в обоих случаях, однако ввиду все той же неясности законодательства и желания избежать вполне ожидаемых упреков со стороны начальства и прокуратуры предпочитают не заниматься «самодеятельностью», а придерживаться общепринятых алгоритмов. Оставшиеся

респонденты вообще затруднились ответить на поставленные вопросы либо уклонились от прямых ответов.

В связи с этим практические работники давно обнаружили гораздо более простые и быстрые «способы» выполнения подобных предписаний, состоящие либо в полном их фактическом игнорировании, либо в превращении механизма разъяснения порядка допроса и соответствующих прав в пустую формальность. Так, в одном случае следователи заставляют обвиняемых просто расписываться в протоколах за якобы имевшее место «правовое просвещение», т. е. не более чем имитируют надлежащее выполнение процедуры допроса и, таким образом, страхуются от возможных упреков в нарушении предусмотренных требований – подобная технология обычно используется в отношении находящихся на самых нижних ступенях социальной лестницы, необразованных, не обладающих должным уровнем правовой культуры, нередко маргинальных субъектов, склонных доверять представителям власти из-за непонимания смысла производимых с ними действий. К тому же защита указанных лиц, как правило, осуществляется в порядке назначения, т. е. далеко не самыми ответственными адвокатами, сильно не озабоченными качеством оказываемой юридической помощи. В другом случае следователи прибегают к технике беглого и монотонного зачитывания всех предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ прав: от получения копии постановления о возбуждении уголовного дела до участия в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, либо представляют эти права для ознакомления в письменном виде – эту технологию часто используют в отношении более «интеллигентных» обвиняемых, а также при использовании аудио- либо видеозаписи. Тогда как требование о разъяснении порядка допроса обвиняемого зачастую вообще игнорируется – по крайней мере, используемый в правоприменительной практике, а ранее прямо предусмотренный приложением 43 к ст. 476 УПК РФ бланк соответствующего протокола подобных «напоминаний» не содержит.

Думается, что возникающие в этом сегменте правоприменительной практики проблемы могут быть разрешены лишь посредством должного методического обеспечения следственной деятельности, в частности формирования некоего унифицированного и короткого перечня базовых тезисов, позволяющих в доступной для надлежащего понимания дилетантами форме объяснить порядок допроса обвиняемого, а также предоставляемые ему правовые возможности.

Далее о самой форме разъяснения прав. Как уже отмечалось выше, предписывая разъяснение прав обвиняемому, законодатель намеревается преодолеть их правовую безграмотность и, таким образом, обеспечить предоставленные им правовые гарантии. Поэтому форма разъяснения прав должна определяться исходя из приоритета наибольшей комфортности для уяснения соответствующих сведений адресатом. Одни обвиняемые лучше усваивают информацию на слух, другие – визуально, у третьих в процессе разъяснения могут возникнуть дополнительные вопросы и т. д. Конечно, автор настоящей статьи не предлагает доводить порядок разъяснения прав до абсурда, и тем более ставить следователя в зависимость от возможных злоупотреблений со

стороны защиты – во всем должна быть определенная доля разумности. Однако следователь не вправе относиться к подобным предписаниям как к отягощающим его работу ненужным формальностям; он должен осознавать весь груз возложенной на него государством ответственности, должен понимать, что в данном следственном действии именно он, а никто другой, является представителем государства, т. е. гарантом прав и свобод личности, которыми эта самая личность сможет воспользоваться только после надлежащего восприятия и уяснения.

И наконец, последнее – это требование об обеспечении возможности осуществления обвиняемым своих прав, которое прямо вытекает из ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Данное правило предполагает такой правовой климат, при котором усилия следователя, наряду с познавательной деятельностью, с собиранием (формированием), исследованием и проверкой доказательств, максимально направлены на создание наиболее благоприятных условий, позволяющих обвиняемым реализовать свое право на защиту. Несмотря на участие защитников, невзирая на возможную правовую грамотность некоторых обвиняемых, именно ему – следователю – надлежит выступать от имени публичной власти, являться публично-правовым гарантом прав обвиняемого. Он не вправе выполнять пассивную роль, ожидая, когда обвиняемый заявит ходатайство, отвод, подаст заявление и т. д. Тем более он не должен безучастно наблюдать за формальными ошибками обвиняемого, предвкушая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан по ходу допроса принимать все возможные меры для правильного и разумного использования обвиняемым своих процессуальных возможностей, в частности, в зависимости от сложившихся обстоятельств интересоваться, не желает ли он заявить ходатайство, отвод, сделать заявление, подсказывать, как правильно написать замечание или дополнение к протоколу и т. д.

Сегодня многие ученые, политики, общественные деятели продолжают делать громкие заявления об обеспечении прав личности, забывая, что эти процессы надо начинать с малого, например, с конкретно взятого следственного действия или его отдельного фрагмента. Именно в совершенствовании таких деталей, а не в громких словах и постоянных законодательных реформах видится основной вектор развития уголовно-процессуальной деятельности в контексте построения в Российской Федерации правового государства.

*Институт государства и права Российской академии наук
Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии*

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology
E-mail: rossinskiy@gmail.com*

И. П. Попова

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Среди наиболее острых в науке являются тема нравственности, вопросы ее пределов и роли в правовом регулировании публичной отрасли уголовно-процессуального права. Вместе с тем как среди сторонников, так и противников нравственных начал в уголовном судопроизводстве имеются различные подходы, а современные реалии порождают новые вызовы, в связи с чем в статье предпринята попытка их анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, нравственность, профессиональная этика, справедливость, публичность, цифровизация.

MORAL PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: NEW CHALLENGES

Among the most pressing in science is the topic of morality, questions of its limits and role in the legal regulation of the public branch of criminal procedure law. At the same time, there are different approaches among both supporters and opponents of moral principles in criminal proceedings, and modern realities give rise to new challenges, and therefore, the article attempts to analyze them.

K e y w o r d s: criminal proceedings, morality, professional ethics, justice, publicity, digitalization.

Поступила в редакцию 8 июня 2023 г.

Эффективность правового регулирования общественных отношений всегда находится в центре внимания ученых. Не является исключением и уголовно-процессуальное право, нормы которого призваны обеспечивать оптимальное разрешение уголовно-правового конфликта, вызванного преступлением. Представляется, что стремление законодателя повысить эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования за годы действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ путем внесения в него изменений² не только не достигло цели, но и привело к обратному результату: хаотичные изменения в отсутствие единой стратегии зачастую приводят к тому, что видение законодателя требует толкования, как официального, так и доктринального.

Причем явной тенденцией стало обсуждение уже принятых законов, а не широкое обсуждение учеными и общественностью разрабатываемых законопроектов. Если вспомнить, что изменения в уголовно-процессуальный закон

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 04.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По состоянию на 1 сентября 2023 г. изменения внесены путем принятия 328 федеральных законов, к тому же действующие нормы УПК РФ следует применять с учетом позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных в 37 решениях.

© Попова И. П., 2023

вносились еще до его введения в действие, то не удивительно, что в целях единообразия формируемой судебной практики Верховный Суд РФ резюмировал разъяснения в Постановлениях Пленума также еще до введения в действие новелл УПК РФ³.

Изменения правоотношений, запросы практики, бесспорно, требуют корректировки закона. Отдельные изменения в УПК РФ были вызваны необходимостью реализации решений Конституционного Суда РФ, впрочем, далеко еще не все нормы приведены в соответствии с высказанными правовыми позициями. К примеру, не внесены изменения и дополнения, позволяющие считать урегулированным производство по уголовному делу в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ более 12 лет назад подробно перечислил, какие проблемы нуждаются в разрешении со стороны законодателя⁴. Требовало корректировки уголовно-процессуального закона и выполнение решений Европейского суда по правам человека, чьи правовые позиции, особенно последних лет, явно требующие переосмысления в реалиях сегодняшнего дня, целую четверть века оказывали весомое влияние на национальное право.

Между тем неоднократно исследователями отмечалось, что отдельные вносимые коррективы не только не соответствуют национальному менталитету, но явно его не учитывают, в то время как эффективность правового регулирования, соответствующая национальному менталитету существенно отличается⁵.

С одной стороны, излишняя заформализованность действующего УПК РФ подвергается обоснованной критике⁶, с другой стороны, на лицо отсутствие единой концепции, очерчивающей перспективы развития уголовно-процессуального закона. В такой ситуации правоприменитель все чаще пребывает в позиции выбора действий и решений и осуществляет его, к сожалению, более исходя из ведомственных интересов, нежели интересов участников уголовного судопроизводства, против их воли вовлеченных в довольно сложную сферу правовых отношений. Правоприменитель чаще всего склонен к поиску «образцов», примеров состоявшихся судебных решений, желательно региональной практики, вышестоящих инстанций и Верховного Суда РФ, чтобы не тратить свои

³ Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» было посвящено разъяснению норм, вступающих в силу с 1 января 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.

⁵ См.: Шестакова Л. А. Влияние национального правового менталитета на реализацию уголовно-процессуальной политики в России // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 154–160; Барабаш А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета. М., 2022. 176 с.

⁶ Гаврилов Б. Я. Нравственные основы формирования современной уголовно-процессуальной политики: взгляд ученого и позиция практика // Судебная власть и уголовный процесс. 2021 № 4. С. 13; Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 42–46.

ресурсы на составление процессуального документа и минимизировать риски признания решения или действия незаконными. Отсюда и возрастает риск утраты нравственных начал, так как шаблонизация мышления не просто оказывает влияние на правосознание, но парализует творческое начало, которое должно быть присуще правоприменителю для соблюдения всех требований к процессуальным решениям и действиям в целях обеспечения гарантий участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим, очевидно, возрастает число требований, выдвигаемых к профессиональным и личным качествам должностных лиц, наделенных властными полномочиями, и от имени государства осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Вопросы профессиональной этики приобретают новое звучание.

Учитывая, что преступление посягает на наиболее значимые охраняемые права, в связи с чем возможно применение самого строгого правового воздействия в виде уголовной ответственности, то эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования напрямую связывается и с уровнем защиты прав и свобод в обществе и государстве, и со справедливостью принятых решений. Не секрет, что степень защищенности в государстве коррелирует и с доверием к правоохранительным органам, а значит, в целом, к государственной власти, не имеющей иного предназначения, нежели создание условий для нормального функционирования правового государства с приоритетом прав и свобод граждан, что закреплено в Конституции РФ (ст. 2).

Неслучайно про справедливость сказано непосредственно в тексте главного закона страны, а в решениях Конституционного Суда РФ подчеркивается о взаимосвязи правосудия и справедливости⁷. Приговор должен соответствовать требованиям справедливости (ст. 398.18 УПК РФ), о справедливом наказании отмечается и в назначении уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Тем не менее в последнее время набирает обороты дискуссия относительно уместности и пределах нравственных начал в законодательстве, в том числе в уголовно-процессуальном законе. В целом можно все точки зрения разделить на две позиции. Сторонники одной из них полагают, что уголовному судопроизводству России имманентно присущи нравственные начала, которые закономерно отражены в уголовно-процессуальном законе, и, более того, требуется их расширение⁸. Авторы, разделяющие вторую позицию, отмечают наличие опасной тенденции перегруженности, перенасыщения российского законодательства и форм его реализации нравственными стандартами⁹.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

⁸ См.: *Победкин А. В.* Вернуть уголовному судопроизводству России воспитательные задачи // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 100–104 ; *Дорошков В. В.* Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. № 25. С. 14–25 ; и др.

⁹ См.: *Баранов В. М.* Перегруженность российского законодательства и практики его применения нравственными стандартами : содержательные параметры, технико-юридические средства, социальная вредность // Научно-технологические трансформации в со-

К числу новых вызовов следует отнести и вопросы, вызванные не столько внедрением цифровых технологий, сколько стремлением придать этим технологиям значение достойного средства нивелирования человеческих ошибок, усмотрения и произвола в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем еще в начале прошлого века А. Ф. Кони верно отмечал о первенствующей роли нравственных начал в исследовании условий и обстановки уголовного процесса¹⁰, а обращаясь к ранее опубликованным трудам ученых, можно сделать вывод о том, что вряд ли вызовы, обозначенные как новые, такими являются в полном смысле слова и прежде никогда не освещались.

Следует отметить, что в период написания отдельных работ представление о машинах, как возможной замене человека в уголовном процессе, явно было несколько иным, если сравнивать с современными технологиями, а мечты о возможности обработки и поиска информации давно стали реальностью.

Так, авторы изданной полвека назад «Судебной этики» полагали, что правосудие без человеческих чувств и «судейской совести» вряд ли возможно, тогда как машина ими не обладает и должна оставаться лишь помощником человека, но вряд ли заменит следователя или судью¹¹.

Упрощение проблемы до деления на то, какие нормы носят технический характер, а какие нравственный, не является перспективным подходом в разрешении спора об уместности, пределах нравственных стандартов в праве. Вместе с тем наличие нравственных основ как раз позволяет иметь те ориентиры, которые необходимы правоприменителю в условиях излишней алгоритмизации деятельности.

Следует солидаризироваться с авторами, которые высказываются об актуальности позиций ученых, исследовавших дискутируемые проблемы (Л. Д. Кокорев, М. С. Строгович), как относительно значения нравственных начал в уголовном судопроизводстве, так и о роли «машин», «кибернетики», «программ», ныне именуемых «цифровизацией», внедрением «искусственного интеллекта»¹². Стоит ли скрывать, что существуют темы, которые с определенной периодичностью вызывают бурные дискуссии, почва которым порой создается то резко категоричной позицией, например, о замене субъекта уголовно-процессуальной деятельности роботом, то цифровизацией всего и вся. Действительно, если внимательно вникнуть в суть этих проблем, то они сводятся к вопросам публичности, проблем доказывания, в частности, в связи с теорией формальных доказательств, пределов усмотрения, справедливости. Таким образом, цель дискуссий или поднять уровень цитируемости своих работ, если утрировать откровенно конъюнктурную тематику, или поиск средств повышения эффективно-

временном обществе : нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сб. науч. трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М., 2019. С. 300.

¹⁰ См.: Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М., 2016. С. 5.

¹¹ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика : некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса, Воронеж, 1973. С. 23, 24.

¹² См.: Рябинина Т. К. Взгляды Л. Д. Кокорева на современную судебную реформу (к 30-летию принятия Концепции судебной реформы в РСФСР) // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 22–28 ; Головки Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект» : о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Там же. С. 29–36.

сти правового регулирования. Вот как раз второй вариант напрямую соотносится с процессуальной проблематикой, а значит, лежит в плоскости социальной ценности уголовного судопроизводства, отраженной в том числе с помощью нравственных категорий в назначении (ст. 6 УПК РФ).

Если обратиться к трудам Л. Д. Кокорева, в которых он анализирует нравственные основы отдельных норм и институтов уголовного процесса, то эти же проблемы составляют предмет диссертационных исследований, научных дискуссий в рамках научных форумов, публикаций авторов и по сей день¹³.

Пожалуй, в этой связи уместно резюмировать то, что в чистом виде к новым вызовам не следует отнести даже позиции о формализации (автоматизации) процесса доказывания, принятия решений, с исключением нравственных стандартов из процессуальных норм. Данные подходы не новы для науки. Однако их переосмысление на базе богатого научного наследия вполне может дать почву для формирования уголовно-процессуальной политики и в рамках стратегических направлений выработку новелл уголовно-процессуального закона. Остается лишь определиться с целеполаганием, поскольку в действующем УПК РФ не отражены ни цель, ни задачи, что более 20 лет дает почву для дискуссий, а правоприменитель, в отсутствие нормативной регламентации ключевых векторов, действует, как отмечалось, руководствуясь более ведомственными интересами.

Представляется, что назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, должно быть отредактировано, чтобы быть надлежащим ценностным ориентиром для всех участников уголовного судопроизводства. Также следует подчеркнуть, что бесцельная деятельность не может быть априори эффективной, отсюда и не представляется возможным высказываться об эффективной защите от преступлений не только граждан и общества, но и самого государства.

В связи с этим следует поддержать предложение А. В. Ендольцевой, отмечающей, что «уголовно-процессуальная деятельность имеет публично-правовой характер, положения ст. 6 УПК, определяющие назначение уголовного судопроизводства, следует расширить, указав одним из направлений уголовно-процессуальной деятельности и ее назначения защиту интересов государства и общества»¹⁴.

Важно не только помнить труды своих Учителей, как показывает время, актуальность их идей не утрачивается, но и при обучении своих Учеников донести до них нравственные ценности, заложенные в уголовно-процессуальном праве. Неслучайно традиционно первый вопрос в аудитории связан с наличием в нормах уголовно-процессуального кодекса понятий «совесть» и «справедливость»,

¹³ См.: Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности : теоретические идеи и правоприменительная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 429 с. ; Сухова И. А. Нравственные начала решения о необходимости избрания меры пресечения, допускаемой только по судебному решению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 228 с. ; Попова И. П. К вопросу об оценочных категориях в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 239–246 ; и др.

¹⁴ Ендольцева А. В. О направлениях и тенденциях развития современного уголовно-процессуального законодательства // Университетские правовые диалоги : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30–31 марта 2023 г. / под ред. Е. В. Титовой. Челябинск, 2023. Ч. II. С. 304.

и приступающие к изучению новой отрасли права обучающиеся активно участвуют в «квесте» по поиску соответствующих категорий в тексте УПК РФ.

Норма закона может меняться, может быть и пробел в правовом регулировании, но те нравственные начала, которые заложены в уголовно-процессуальном законе, дают основу, в которой нуждаются будущие правоприменители в таких ситуациях. Хочется верить, что при выборе, который будет перед ними стоять, – ведомственные интересы / интересы участников уголовного судопроизводства – они сделают правильный шаг.

В уголовно-процессуальном праве, впрочем, как и в других отраслях права, используется значительное число оценочных категорий. В отсутствие нравственных основ их применение может проявляться в злоупотреблении правами или должностными полномочиями. Разумеется, что перенасыщенность нравственными понятиями закона, закрепляющего уголовно-процессуальную форму, может вызвать ассоциации о внедрении некоего «кодекса строителя коммунизма» в процессуальные положения. В этой связи приветствуется широкая научная и общественная дискуссия накануне принятия законов, а не постфактум их разъяснение с толкованием видения законодателя.

Соблюдение требований к процессуальным решениям, таким как законность, обоснованность, мотивированность и справедливость, позволяет не только расценить принятое решение как правосудное, но и укрепляет доверие к государству, судебной системе и правоохранительным органам. Тем самым в какой-то степени преодолевается правовой нигилизм, присущий как гражданам, так и должностным лицам, критикуемый долгие годы¹⁵. Видится, что при совпадении нормы права и духа закона те нравственные начала, которые составляют основу действий и принятых решений, позволят гражданам и обществу ощущать себя защищенными, а государственные функции будут выполнены.

Восточно-Сибирский институт МВД России

Попова И. П., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, доцент, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке

East Siberian Institute

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Popova I. P., Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Assistant Professor,

Chairman of the Ust-Ilimsk City Court of Irkutsk Region in an Honorary Resignation

E-mail: irinabaikal@mail.ru

¹⁵ См.: *Баринов П. С.* Обесценивание правовых категорий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 29.

Л. И. Малахова

МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена анализу мер безопасности, применяемых к потерпевшему и свидетелю в рамках уголовного судопроизводства. Рассматриваются основания и порядок применения и отмены мер безопасности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: посткриминальное воздействие, государственная защита, меры безопасности, свидетель, потерпевший, иные участники уголовного судопроизводства.

SECURITY MEASURES FOR VICTIMS AND WITNESSES: GROUNDS AND PROCEDURE OF APPLICATION

The article is devoted to the analysis of security measures applied to the victim and witness in the framework of criminal proceedings. The article analyzes the grounds and procedure for the application and cancellation of security measures.

К e y w o r d s: post-criminal impact, state protection, security measures, witness, victim, other participants in criminal proceedings.

Поступила в редакцию 1 июня 2023 г.

В Российской Федерации разработаны и законодательно закреплены государственные меры, применяемые для защиты свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства от посткриминального воздействия. Государственная защита свидетелей и потерпевших является одной из важнейших гарантий в системе прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Организация государственной защиты участников уголовного судопроизводства основывается на нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в которых закреплены меры государственной защиты и меры безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Защита свидетелей и защита потерпевших предполагают обязанность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, применять меры безопасности, предусмотренные ч. 3 ст. 11 УПК РФ: указание псевдонима участника следственного действия и неразглашение данных о его личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); предъявление опознания в условиях, исключающих визуальное на-

блюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Таким образом, в современных условиях в целях обеспечения безопасности органами государственной власти применяются как процессуальные, так и непроцессуальные меры защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что указанные в УПК РФ меры безопасности не всегда могут обеспечить эффективную защиту потерпевших и иных лиц, содействующих правосудию¹. Одновременно с этим практические работники при использовании указанных мер сталкиваются с проблемами, сопряженными с отсутствием единого подхода к обеспечению безопасности защищаемых лиц.

Право участников уголовного судопроизводства на безопасность является относительно новым институтом отечественного законодательства. В последние годы в процессуальной литературе безопасность рассматривается как комплекс мер, применяемых соответствующими государственными органами и должностными лицами в процессе производства по уголовному делу в отношении участников процесса. Соответственно, право на безопасность – это гарантированная законом возможность притязать на применение государством соответствующих мер по физической защите нуждающегося в ней лица в ходе производства по уголовному делу.

В случае необходимости обеспечить защиту потерпевшего, свидетеля, их представителей либо родственников и прочих близких лиц следователь имеет право в протоколе следственного действия, в котором участвуют указанные лица, не приводить сведения об их личности. В этом случае следователь обязан вынести постановление, в котором излагаются основания принятия решения о сохранении в тайне этих сведений, указываются псевдонимы участников следственного действия и приводятся образцы их подписей, которые они будут использовать в протоколах следственных действий. В целях защиты потерпевшего и свидетеля, участвующих в качестве опознающих лиц в предъявлении для опознания подозреваемого либо обвиняемого, это следственное действие проводится в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В данном случае понятия находятся в месте нахождения опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Закон ничего не говорит о том, где обязан при этом быть защитник подозреваемого (обвиняемого) – там, где находится его подзащитный, или же в помещении, где находится следователь и опознающее лицо². Такое обстоятельство является существенным упущением законодателя, поскольку существуют противоречия между правом подозреваемого (обвиняемого) на защиту и правом опознающего на гарантирование его безопасности. Защита свидетелей подразумевает еще и то, что при необходимости обеспечения их безопасности, а кроме того безопасности их род-

¹ См.: Желтобрюхов С. П. Государственная защита потерпевших, свидетелей // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 53.

² См.: Брусницын Л. В. Опознание в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего // Уголовное право. 2005. № 2. С. 75–76.

ственников и близких лиц, суд проводит их допрос в обстоятельствах, исключая визуальное наблюдение свидетелей иными участниками судебного разбирательства без оглашения подлинных данных об их личности (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). В интересах обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их родственников или близких лиц суд может провести судебное разбирательство в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 1 ст. 241 УПК РФ).

На сегодняшний день следует отметить несовершенство механизма уголовно-процессуального обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Как показывает анализ следственной практики, многие участники уголовного судопроизводства нередко пытаются уклониться от выполнения своего гражданского долга, не желают сотрудничать с правоохранительными органами в целях оказания помощи в раскрытии и расследовании преступлений. Распространенность дачи свидетелями ложных показаний отмечают многие исследователи, которые приходят к выводу, что основной причиной такого поведения является недостаточность мер по государственной защите свидетелей.

Принятие решения о применении той или иной меры безопасности предполагает наличие определенного фактического и юридического основания. Гражданин, обладающий информацией о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, включая случаи угрозы насилием (в том числе в отношении других лиц), может обратиться в правоохранительные органы с заявлением о применении мер безопасности. Меры защиты могут быть применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

С целью применения мер безопасности суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, получив заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, обязаны принять решение о применении мер безопасности либо об отказе в их применении. О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение). Постановление (определение) о применении мер безопасности либо об отказе в их применении может быть обжаловано в вышестоящий орган, прокурору или суд. Жалоба подлежит рассмотрению в течение 24 часов с момента ее подачи³.

Стоит отметить, что в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно одна либо несколько мер безопасности⁴. Отмена мер безопасности производится, если устранены основания их применения или их дальнейшее применение невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом

³ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

⁴ См.: Халиков А. Обеспечение безопасности при сокрытии данных о личности // Законность. 2007. № 10. С. 43–45.

условий договора, заключенного органом, осуществляющим меры безопасности, с защищаемым лицом, а также по письменному заявлению защищаемого лица, направленному в орган, принявший решение об осуществлении государственной защиты. Отмена мер безопасности допускается только по постановлению (определению) органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты, либо по постановлению (определению) органа, в производстве которого находится уголовное дело с неотменным постановлением (определением) об осуществлении государственной защиты.

Следует подчеркнуть, что закрепление на законодательном уровне мер безопасности в отношении защищаемого лица является действительно прогрессивным шагом на пути к защите лиц, содействующих уголовному правосудию. Предполагается, что для реализации данных мер потребуются не только колоссальные финансовые вложения со стороны государственного бюджета, но и создание действенного механизма, который сможет воплотить в жизнь положения действующего законодательства.

*Воронежский государственный университет
Малахова Л. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Voronezh State University
Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: malah78@mail.ru*

В. В. Перетокина

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТИЯ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА, СТРАДАЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Анализируется проблема уголовно-процессуальной дееспособности уголовно преследуемого лица, страдающего психическими недостатками, рассматриваются особенности участия такого лица в производстве следственных действий, обосновывается вывод о необходимости предоставления суду полномочия на принятие решения о невозможности участия обвиняемого, страдающего психическим заболеванием, в доказывании на этапе досудебного производства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, лицо, страдающее психическим заболеванием, доказывание, следственные действия, уголовно-процессуальная дееспособность.

ON THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE PARTICIPATION OF A CRIMINALLY PROSECUTED PERSON SUFFERING FROM A MENTAL DISORDER IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article analyzes the problem of the criminal procedural capacity of a criminally prosecuted person suffering from mental disabilities, examines the features of such a person's participation in the production of investigative actions, substantiates the conclusion that it is necessary to grant the court the authority to make a decision on the impossibility of the participation of the accused suffering from mental illness in proving at the stage of pre-trial proceedings.

K e y w o r d s: criminal proceedings, person suffering from a mental illness, proof, investigative actions, criminal procedural capacity.

Поступила в редакцию 5 июня 2023 г.

В русле комплексного анализа процессуального положения уголовно преследуемого лица, в отношении которого решается вопрос о принудительной госпитализации, находится проблема его личного участия в уголовно-процессуальной деятельности, сопряженной с доказыванием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Основным способом установления названных обстоятельств является производство следственных действий. Законодательно обозначенная проблема в настоящее время не урегулирована, что вызывает значительные сложности в следственно-судебной практике. Анализ библиографии вопроса позволяет констатировать, что в доктрине уголовного процесса сложилась позиция, согласно которой привлечение лица, страдающего психическим расстройством, к производству следственных и иных процессуальных действий возможно только в том случае, если названное

лицо способно адекватно воспринимать их характер и содержание¹. Данный тезис обосновывается тем, что уголовно-процессуальная дееспособность является гарантией полноценного участия лица в познавательной деятельности, поскольку позволяет в полной мере использовать предоставленные ему законодателем права для защиты от реализуемого в отношении него уголовного преследования².

Нельзя отрицать того факта, что с гносеологической точки зрения участие обвиняемого, страдающего психическим расстройством, равно как и обвиняемого, не имеющего такового, представляет собой мыслительную деятельность, имеющую своей целью анализ фактов и обстоятельств расследуемого события с позиции опровержения выдвинутого стороной обвинения тезиса о его причастности к совершению преступного деяния. Возникают вполне обоснованные сомнения в способности психически больного лица эффективно осуществлять мыслительную деятельность, выявлять причинно-следственные связи, строить логические конструкции из фактов и обстоятельств. Справедливо отмечается, что существует большое количество латентных психических расстройств, которые трудно поддаются диагностике, а также имеются случаи, когда лица вообще не обращались за психиатрической помощью³, что вписывается в общую концепцию добровольности ее получения, последовательно проводимую в отраслевом законодательстве в сфере медицинской деятельности.

Подозреваемые и обвиняемые, страдающие психическими расстройствами, с уголовно-процессуальной точки зрения являются дееспособными, поскольку в противном случае решался бы вопрос о вменяемости, что исключало бы наличие у лица названных процессуальных статусов. Вместе с тем имеющиеся психические недостатки значительно осложняют реализацию лицом базового права на защиту, что предполагает наличие дополнительных гарантий его законных интересов при производстве следственных действий. В частности, при производстве вербальных следственных действий с участием такого обвиняемого (подозреваемого), например допроса или очной ставки, особенности его психики будут существенно влиять на достоверность получаемых от него сведений, но в силу закона являться допустимым источником доказательств. Анализ судебно-следственной практики показывает, что, например, лица, страдающие олигофренией, дают правдивые показания, но в силу особенностей интеллектуального развития их содержание достаточно примитивно. На этапе свободного рассказа усматриваются отсутствие последовательности и логичности изложения, недостаток словарного запаса, неполнота, связанная как с отсутствием перспективного и ретроспективного мышления, так и с невозможностью допрашиваемого сосредоточиться на деталях. Например, по

¹ См., например: *Мокляк В. С.* Личное участие лица, страдающего психическим расстройством, в производстве по уголовному делу // *NovalInfo*. 2018. № 89. С. 138–142; *Клюков С. Н., Савкина М. А.* Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). Курс лекций : учеб. пособие. Н. Новгород, 2021. С. 268.

² См.: *Артемова Д. И., Паменкова И. А.* Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России // *Наука. Общество. Государство*. 2016. Т. 4, № 2 (14). URL: <http://esj.pnzgu.ru>

³ См.: *Сатдинов Л. В.* Уголовно-процессуальные гарантии объективности предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 23.

уголовному делу в отношении Х., страдающего олигофренией в легкой степени дебилности, обвинявшегося в совершении угрозы убийством, при наличии оснований опасаться осуществления этой угрозы, дважды тайно похитившего чужое имущество с причинением значительного ущерба гражданину, из протоколов допроса обвиняемого усматриваются отсутствие у него понимания сущности вменяемых ему преступных деяний, невозможность восстановить картину произошедших событий, а также неоднократно повторяющийся тезис о том, что его раскаяние и тот факт, что он попросил прощения у потерпевших, исключает возможность привлечения его к уголовной ответственности⁴.

Иной тип психических расстройств, сопровождающийся поражением головного мозга, вызывающий истерическое поведение, демонстрирует частую смену содержания даваемых показаний, излишнюю эмоциональность, склонность к преувеличениям. Как отмечается в специальной литературе, психопаты истерического склада, ведомые чувством симпатии к следователю, могут дать развернутые показания, в которых большая часть информации – плод их воображения, не имеющий ничего общего с реальностью⁵. Достаточно часто встречается и противоположная реакция в виде остро негативной оценки предъявленного обвинения, заявлений о его ложности, фальсификации доказательств, бесконечного обжалования действий и решений должностного лица, ведущего производство по уголовному делу. Например, по уголовному делу в отношении Ч., страдающего психическим заболеванием в форме органического поражения головного мозга смешанного генеза с нерезко выраженными изменениями психики, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в ходе судебного заседания были оглашены показания подсудимого, данные им в ходе производства предварительного расследования на четырех допросах, которые существенно отличались по содержанию. В судебном заседании Ч. демонстрировал повышенную раздражительность, сопровождающуюся аффективными вспышками, придерживался версии о недобросовестности следователя и свидетелей со стороны обвинения, обвиняя их в клевете, но затем признал, что длительное время проживал вместе со своей матерью в одной квартире, между ними были прекрасные отношения, но, что конкретно произошло в момент совершения им преступления, помнит смутно. Избивал ли он мать или нет, не помнит. Когда опомнился, то увидел, что мать лежит. Он стал затаскивать мать в комнату, квартиру. Помнит, что дал ей руку, а она ее не взяла, хотел ее поднять, но не смог. Затащив ее в комнату, увидел, что она не подает признаков жизни. Потом пошел на третий этаж к сестре и сказал племяннику Артему, чтобы он позвонил своей матери. Через некоторое время приехала сестра. Он не очень все помнит, в тот день и накануне он находился в состоянии алкогольного опьянения. Он признает, что причинил матери телесные повреждения, но подробности не помнит. В соде-

⁴ Приговор Динского районного суда Краснодарского края по уголовному делу № 1-175/12. URL: <https://sudact.ru/>

⁵ См.: Щербакова М. А. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве: сущность и цели // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 124–131.

янным раскаивается⁶. Подобная ситуация является достаточно типичной для рассматриваемого типа психических расстройств, снижающих познавательные способности. Обвиняемые не только не могут уяснить сущность инкриминируемого деяния, но и содержание имеющихся в деле доказательств как обвинительного, так и оправдательного содержания. По оценкам адвокатов, психически больные лица не понимают значения задаваемых им следователем вопросов, если таковые не конкретизированы, содержат обобщения и абстрактные моделируемые ситуации, они легко внушаемы, что понуждает их безоговорочно соглашаться со всем объемом выдвинутого обвинения⁷.

Изложенное выше позволяет констатировать, что лица, страдающие психическими расстройствами, являются специальными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, нуждающимися в повышенных гарантиях защиты их прав и законных интересов, что не предполагает императивного исключения их из числа непосредственных участников следственных действий. Однако такое участие должно сопровождаться соблюдением определенных условий, к числу которых относится не только обязательное участие в процессе защитника и законного представителя.

Так, часть специалистов полагает, что вопрос о непосредственном участии лица, страдающего психическим расстройством, относится к компетенции экспертов и должен разрешаться в рамках соответствующего вида экспертизы⁸. Другая часть, не исключая необходимость участия психиатра, указывает на другой вид следственных действий – освидетельствование⁹. Позволим себе не согласиться с императивной посылкой о том, что участие лица в следственных действиях решается исключительно сообразно с соответствующим выводом эксперта. Более обоснованной считаем позицию, в соответствии с которой на основе мнения психиатра вопрос о возможности участия лица, страдающего психическим расстройством, в следственных действиях решается органом расследования и судом¹⁰. Поясним данный тезис. Обозначенная проблема имеет две стороны – уголовно-процессуальную и медицинскую. В первом случае на основе норм уголовно-процессуального закона с учетом материалов уголовного дела принимается решение, определяющее пределы реализации подозреваемым (обвиняемым) предоставленных ему прав на участие в доказывании, во втором – осуществляется констатация возможности либо невозможности психически больного лица осознавать и анализировать содержание и характер проводимого следственного действия. Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит правомочия должностного лица, ведущего произ-

⁶ Приговор Советского районного суда г. Тамбова по уголовному делу № 1-164/2018. URL: <https://sudact.ru/>

⁷ См.: Айвазова О. В., Гнетнев И. Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 2-2. С. 63–69.

⁸ См.: Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М., 2018. С. 133.

⁹ См.: Говрунова А. И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. 2018. № 2 (29). С. 212–215.

¹⁰ См.: Мокляк В. С. Указ. соч. С. 138–142.

водство по уголовному делу, принимать решение о невозможности участия лица в производстве следственных действий ввиду его психического состояния. Полагаем, что соответствующее решение должно приниматься в судебном порядке в условиях состязательной формы уголовного судопроизводства. Аргументируем данный тезис.

Следователь и дознаватель отнесены к участникам уголовного процесса со стороны обвинения, что предполагает наличие соответствующего уклона в их деятельности. Решение о невозможности участия в следственных действиях, равно как и решение о принудительной госпитализации существенным образом ограничивают права лица, в отношении которого они принимаются, в том числе и право на защиту. В условиях реализации принципа непосредственности судебного заседания считаем, что судья имеет возможность оценить не только состояние обвиняемого (подозреваемого), но и совокупность представленных сторонами доказательств, указывающих на невозможность его участия в следственных действиях. Кроме того, отнесение рассматриваемого вопроса к компетенции суда само по себе будет являться дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов лица, страдающего психическим заболеванием.

*Российский государственный университет правосудия
Перетокина В. В., аспирант кафедры уголовно-процессуального права
им. Н. В. Радутной*

*Russian State University of Justice
Peretokina V. V., Postgraduate Student of the Department
of Criminal Procedure Law named after N. V. Radutnaya
E-mail: avika.salikova55@gmail.com*

О ВЫПУСКНИКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – СУДЬЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена Воронежской школе права, выпускникам юридического факультета ВГУ, построившим яркую карьеру в судебной системе страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: юридический факультет Воронежского государственного университета, судебная система России, выдающиеся выпускники.

ABOUT GRADUATES OF THE LAW FACULTY OF VORONEZH STATE UNIVERSITY – JUDGES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Article is devoted to the Voronezh school of the right, the graduates of law department of VSU who constructed bright career in the judicial system of the country.

К е у в о р д s: law department of Voronezh State University, judicial system of Russia, outstanding graduates.

Поступила в редакцию 13 июня 2023 г.

За годы работы юридический факультет Воронежского государственного университета подготовил более 25 тыс. квалифицированных юристов. Многие выпускники занимали и занимают ответственные должности в системе органов государственной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, успешно трудятся на ниве адвокатуры и нотариата.

Так сложилось, что наибольших высот выпускники юридического факультета добились в судебной системе страны. Работа судьи, согласно устоявшемуся в юридическом сообществе мнению, – это вершина в профессии, в какой-то степени – конечная точка в развитии карьеры. Работа же в качестве судьи Верховного Суда Российской Федерации – настоящий Эверест в работе юриста.

Выпускники нашего факультета оставили яркий след в истории Верховного Суда Российской Федерации. Кандидат юридических наук, судья Верховного Суда РФ В. В. Демидов много лет исполнял обязанности секретаря Пленума Верховного Суда РФ. Судьями Верховного Суда РФ работали О. М. Бондаренко, И. И. Грицких, М. К. Отрезов, Ю. А. Свиридов, А. В. Харланов. В настоящее время судьями Верховного Суда РФ являются: Н. В. Тимошин – председатель 1-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, Т. В. Завьялова – председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, Е. В. Горчакова – судья Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ, Ю. В. Ситников – судья Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. При этом Татьяна Владимировна Завьялова в 2005–2014 гг. была членом Президиума, секретаря

рем Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сейчас она выполняет обязанности заместителя председателя Совета судей РФ, Николай Викторович Тимошин с декабря 2014 г. является членом Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также председателем Высшей квалификационной коллегии судей РФ – органа судейского сообщества, играющего ключевую роль в формировании судейского корпуса и внешнего облика судебной власти, а значит, в определенной степени формирующего общественное мнение о российском суде. Профессиональные заслуги Николая Викторовича отмечены присвоением ему почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Отдельно хочется сказать о выпускниках юридического факультета ВГУ, достигших высокой должности заместителя председателя Верховного Суда РФ. Кандидат юридических наук В. П. Верин длительное время был заместителем Председателя Верховного Суда РФ, Председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Некоторый период одновременно с В. П. Вериним также заместителем Председателя Верховного Суда РФ работал кандидат юридических наук А. И. Карпов, также затем ставший Председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Валерий Петрович Верин окончил юридический факультет Воронежского государственного университета в 1967 г. Еще во время обучения на последнем курсе был избран народным судьей Усманского районного суда Липецкой области. Через три года Валерий Петрович стал народным судьей Коминтерновского районного суда г. Воронежа, а еще через четыре – председателем того же суда. Дальнейшая карьера нашего выпускника развивалась все более стремительно: в 1978 г. – судья Воронежского областного суда, заместитель председателя, в 1980 г. – председатель Воронежского областного суда. Для дня сегодняшнего такое развитие событий кажется невероятным. Необходимо учесть, что с 1975 г. Валерий Петрович преподавал уголовное право и уголовный процесс на родном факультете, совмещая педагогическую деятельность с напряженной и крайне ответственной работой судьи.

После трех лет работы в качестве председателя Воронежского областного суда – в 1983 г. – тропа жизни делает небольшую петлю, уводя Валерия Петровича от судейской работы, впрочем, совсем на короткий срок. Он становится начальником отдела юстиции исполкома Воронежского областного Совета народных депутатов, проявляя себя и в этой должности грамотным руководителем и крайне перспективным специалистом. Яркий, талантливый, в высшей степени профессиональный юрист не мог остаться незамеченным (система отбора кадров работала отлично). Подтверждением этому явилось назначение Валерия Петровича заместителем председателя Верховного Суда РСФСР, обязанности которого он исполнял с 1985 по 2007 г. – более 22 лет! За годы судейской карьеры Валерий Петрович завоевал большой авторитет в профессиональной среде и уважение коллег, его заслуги были признаны на самом высоком уровне. Об этом свидетельствуют и высший квалификационный класс судьи, и почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Уже упоминалось, что обширную практическую деятельность Валерий Петрович сочетал с научной и преподавательской работой, сначала в Воронежском

государственному университету, а затем в Российской правовой академии Министерства Юстиции. О достижениях и признании в качестве выдающегося юриста-практика уже говорилось, но нельзя не сказать и о достижениях в научной сфере. И здесь были достигнуты серьезные результаты: защищена диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук, опубликовано более 50 научных работ в области уголовного права, уголовного процесса и организации работы судов, в том числе ряд монографий и учебных пособий. Обобщая все вышесказанное, можно с полной уверенностью сказать, что Валерий Петрович Верин – это один из тех выпускников, кто своим трудом и талантом ковал и составляет славу юридического факультета Воронежского государственного университета.

Другим выпускником нашего факультета, занимавшим должность заместителя председателя Верховного Суда РФ, был Александр Иосифович Карпов, окончивший юридический факультет ВГУ в 1982 г. Примечательный факт – являясь уроженцем Орловской области, Александр Иосифович в возрасте 16 лет стал курсантом Архангельского мореходного училища, затем работал на судах Северного морского пароходства города Архангельска, пройдя путь от матроса до помощника капитана. Вернувшись на малую родину, поступил на службу в УВД Орловской области, затем работал юрисконсультом Верховского молочно-консервного комбината, параллельно обучаясь на юридическом факультете ВГУ. После его окончания, в 1982 г., был избран судьей Новодеревеньковского районного суда Орловской области, а в 1987 г. – членом Орловского областного суда. Еще через год Александр Иосифович стал председателем Орловского областного суда. После этого назначения последовали долгие годы работы на ответственном посту, впрочем, талантливого орловского юриста не обошли вниманием и в столице. Указом Президента РФ в 1996 г. Александру Иосифовичу было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а в 2000 г. он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Именно в период работы в качестве председателя Орловского областного суда к Александру Иосифовичу пришло признание его профессиональных заслуг, и высокие государственные награды он получил, еще не будучи судьей самого высокого уровня. Одновременно с работой в должности председателя областного суда, Александр Иосифович на протяжении ряда лет преподавал уголовное право и криминалистику в Орловском государственном техническом университете, в 2001 г. получил ученую степень кандидата юридических наук.

В декабре 2004 г. последовало назначение выпускника нашего факультета в Верховный Суд РФ, что выглядело вполне закономерным итогом шестнадцатилетней работы в прежней должности. В итоге заместителем председателя Верховного Суда РФ – председателем Судебной коллегии по уголовным делам дважды подряд назначался выпускник юридического факультета ВГУ! На протяжении почти 25 лет воронежская школа правовых наук криминального цикла была представлена на самом высоком уровне российского правосудия. Для факультета очень приятный факт, а также повод для «белой зависти» со стороны других юридических школ!

Вот таких во всех отношениях выдающихся выпускников способен растить юридический факультет Воронежского государственного университета!

Выпускники юридического факультета ВГУ успешно трудились, не только являясь судьями Верховного Суда Российской Федерации, но и судьями Конституционного Суда Российской Федерации. Далеко не каждый юридический факультет или даже вуз в стране может гордиться своим выпускником, занимавшим или занимающим сейчас должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации. Тем характернее, ярче и ценнее тот факт, что среди выпускников факультета двое достигли этой высокой планки.

Виктор Осипович Лучин стоял у истоков конституционного правосудия в России, став одним из первых 13 судей Конституционного Суда, которые 29–30 октября 1991 г. были выбраны по представлению Председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова. Первое рабочее совещание Конституционного Суда РСФСР состоялось уже 30 октября 1991 г., а 14 января 1992 г. – первое заседание.

Начинал же свой профессиональный путь Виктор Осипович на родном факультете, где через год после его окончания в 1965 г. начал трудиться в качестве преподавателя. Здесь же в 1971 г. под руководством Виктора Степановича Основина защитил кандидатскую диссертацию на тему «Процессуальные нормы в советском государственном праве». А уже через год Виктор Осипович оказался на берегах Волги, в Куйбышевском государственном университете, где и трудился до 1978 г. сначала доцентом, а потом и заведующим кафедрой теории и истории государства и права. В последующем известный выпускник факультета занимал различные должности в Институте государства и права АН СССР и Российском социально-политическом институте. В 1993 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические вопросы реализации конституционных норм» в Московской государственной юридической академии.

До февраля 2005 г. (более 13 лет) Виктор Осипович исполнял обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, стоял на страже Конституции в самое сложное, наполненное политическими и общественными конфликтами время, принципиально отстаивая верховенство права, неоднократно высказывая особое мнение при вынесении Конституционным Судом решений.

С сентября 2005 г. по август 2008 г. В. О. Лучин возглавлял кафедру конституционного и международного права юридического факультета Российского государственного социального университета, являлся членом Диссертационного совета по юридическим наукам РГСУ. С 1994 г. на протяжении многих лет Виктор Осипович работал на юридическом факультете МГУ в должности профессора кафедры конституционного и муниципального права. Он является автором более 100 научных публикаций по проблемам теории конституционного (государственного) права, в том числе ряда учебников, учебных пособий и монографий.

Профессиональные достижения Виктора Осиповича не могли остаться незамеченными. Как ученый-юрист он может по праву гордиться присуждением почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», как выдающийся юрист-практик В. О. Лучин награжден почетным званием «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Все вышесказанное подтверждает, что среди плеяды знаменитых выпускников юридического факультета ВГУ Виктор Осипович Лучин занимает достойнейшее место.

Вторым представителем факультета в Конституционном Суде Российской Федерации стал в 1994 г. Юрий Михайлович Данилов, и до сего дня с честью исполняющий свои обязанности судьи. Свой профессиональный путь в судебной системе страны Юрий Михайлович начал сразу после окончания юридического факультета ВГУ в 1976 г. с должности народного судьи Поворинского района Воронежской области. Карьера талантливого юриста быстро развивалась: уже через четыре года Ю. М. Данилов стал судьей Воронежского областного суда, затем в 1983–1985 гг. работал инструктором Воронежского обкома КПСС. И вот в 1985 г. первая серьезная профессиональная вершина – назначение на должность председателя Воронежского областного суда, где Юрий Михайлович успешно трудился до перехода на должность первого заместителя начальника Управления общих судов Министерства юстиции СССР в 1989 г., в последующем занимая пост заместителя Министра юстиции СССР. Для подавляющего большинства выпускников любой юридической школы огромной страны такая карьера выглядела бы как огромное достижение и повод для гордости: и для самого юриста, и для учебного заведения, в котором он был воспитан. Но впереди у Юрия Михайловича были новые высоты. В марте 1993 г. он стал заместителем Председателя Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, где курировал работу Главного правового управления, Главного управления территориальных органов, Управления контроля за организованными товарами и финансовыми рынками и финансово-бюджетного управления. Важная и ответственная работа, тем более в такое напряженное для нашей страны время. Юрию Михайловичу прочили большое будущее в Правительстве РФ, но судьба сделала очередной вираж, надо отметить – весьма счастливый, и в марте 1994 г. он был рекомендован Министерством юстиции РФ на должность судьи Конституционного Суда РФ, а 15 ноября 1994 г. на заседании Совета Федерации был назначен судьей Конституционного Суда РФ. С тех пор минуло почти 24 года (внушительнейший срок работы в такой должности!) напряженного и высококачественного труда, в течении которых Юрий Михайлович Данилов стал одним из самых авторитетных судей Конституционного Суда РФ, известным специалистом в области права для каждого юриста страны, да и за ее пределами тоже. Более восьми лет наш выпускник выполнял обязанности судьи-секретаря Конституционного Суда РФ.

Заслуги Юрия Михайловича в укреплении законности, правопорядка и конституционного строя Российской Федерации не раз отмечались на самом высоком уровне, об этом свидетельствует наличие у него высокого звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», а также награждение орденом Почета. Если совсем немного коснуться личной жизни нашего выдающегося выпускника, то невозможно умолчать тот факт, что он является многодетным отцом. Нечастый случай в наше время, добавляющий уважения и рисующий новые штрихи к портрету Юрия Михайловича.

Приведенный материал, полагаем, дает все основания считать, что юридический факультет Воронежского государственного университета – это ведущий юридический факультет всего Черноземья!

*Воронежский государственный университет
Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, доцент
кафедры организации судебной власти
и правоохранительной деятельности*

*Voronezh State University
Shabanov P. N., Candidate of Legal Science,
Associate Professor of the Organization of the Judge Power
and Law-Enforcement Activity Department
E-mail: pshabanov@rambler.ru*

Пьер Поль Прюдон «Правосудие и Божественное Возмездие, преследующие Преступление», 1808

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Пьер Поль Прюдон (1758–1823) – французский живописец. Учился в Королевской академии живописи и скульптуры в Париже. Посетив Италию, испытал сильное воздействие античного искусства и живописи Возрождения. Прюдон был одним из лучших портретистов своего времени, ему благоволили обе супруги Наполеона, чьи портреты он выполнял. Источник сюжетов многих произведений Прюдона – античная мифология и аллегорические сюжеты. Его картины написаны в мягкой, изящной манере и отличаются сентиментальностью и декоративностью.

Парадоксально, что этот певец любви и невинности снискал славу аллегорией «Справедливость и Божественное Возмездие, преследующие Преступление», написанной для зала уголовного трибунала Парижского дворца правосудия. Это полотно занимает важное место в наследии Прюдона. Содержание картины, смысл заложенной в нее аллегории художник раскрывает в одном из писем: «Божественное

правосудие вечно преследует преступление, а преступление никогда не уходит безнаказанным. Окутанный покровом ночи, в отдаленном и диком месте ненасытный преступник убил жертву, забрал ее золото и оглянулся посмотреть, не выдадут ли его какие-нибудь остатки жизни. Дурак! Он не видит, что Немезида, этот беспощадный вершитель правосудия, подобно стервятнику, спускающемуся на свою добычу, преследует его, поймает и передаст в руки безжалостного Возмездия...»

Прюдон использовал быстрые, размашистые мазки, чтобы придать фигурам движение и энергию. Сильные контрасты светлого и темного подчеркивают драматизм ситуации. Лунный свет освещает лица воплощений мщения и выделяет торс мертвеца, в то время как лицо убийцы погружено в темноту.

Шедевр Прюдона наполнен пафосом протеста против жестокости и низости, вызывает к лучшим чувствам, подтверждает неусыпность правосудия и неизбежность наказания.

Д. Зотов